Проект Лекси

Владимир Шорохов

Лекси – это не человек.
Люди ликовали, наслаждались жизнью, но… Рай на Земле превратился в…

научная фантастика
коллекция

16+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лекси – это не человек, а программа для управления автотранспортом в больших городах. Но эта программа оказалась слишком умной. Люди быстро оценили её: она стала психологом, консультантом, инженером и просто другом. Программа заботилась о людях, помогала, освобождала человека от повседневной рутины. Человечество достигло своей цели – не надо работать и тратить время на бесполезный труд. Люди ликовали, наслаждались жизнью, наступил… Рай на Земле. И к чему это привело…

- Владимир Шорохов
  - Предисловие
  - 1 Пожар
  - 2 Слизевик
  - 3 Первые шаги
  - 4 Майна
  - 5. Любовь в процентах
  - 6 Город будущего
  - 7 Война без войны
  - 8 Марс
  - 9 Черепаха
  - 10 Робот нянька
  - 11 Юпитер
  - 12 Сытая жизнь
  - 13 Нерадивая мать
  - 14 Отверженные
  - 15. 1980 баллов
  - 16 ERROR
  - 17 Последний город
  - 18. Последний человек
  - 19 Тварь

Владимир Шорохов
Проект "Лекси"

Предисловие

Что будет, если ЗА человека постоянно думать, ЗА него принимать решение, работать? Что будет с ним, когда ему будут говорить, что делать, как одеваться и с кем встречаться? Что произойдёт с личностью, когда у нее всё есть? Что ты будешь делать, когда не надо рано вставать и идти зарабатывать деньги, чтобы жить? Что?

Вроде всё так просто. Каждый найдёт что ответить и придумает себе большой список дел. Но? Если это будет происходить не один день, а всю жизнь, а после ваши дети и внуки так проживут. Что с ними произойдёт?

«Проект Лекси» – это программа, которая изначально была предназначена для управления светофорами, но оказалась слишком умной. Серия рассказов как альтернативный вариант о том, как развивалась программа и что произойдёт с человеком.

Люди стремились создать на Земле Рай, но построили Ад.

Эта книга предназначена для размышлений.

1 Пожар

Пожарная машина надрывно выла, её сирена разносилась на десятки кварталов, стараясь разбудить всех тех, кто ещё ради любопытства не вышел на улицу. Они шли гуськом. Время поджимало. Марк надеялся, что ещё успеет проскочить до часа пик, а после всё… Тупик. Они никуда не смогут двинуться, хоть завойся. Машины выскочили из переулка и, перепрыгивая через бордюры, вклинились в общий поток.

– Внимание, внимание! – кричал Стас в рупор. – Освободите проезд! Освободите проезд! – он пришёл в бригаду только осенью и ещё не привык к городу, до этого служил на нефтезаводе, – там проще. Но тут, в городе… – Освободите проезд! Куда прёшь?! – Орал он в рупор, стараясь разогнать, как мух, снующие впереди машины.

– Как твой Филя? – так звали у Клауса собаку, она на прошлой неделе отравилась и несколько дней находилась между жизнью и смертью.

– Оклемалась, правда уши полысели. Но говорят, пройдёт, – спокойно, будто никуда не спешил, ответил Клаус и резко перестроился на свободную полосу.

Они уже видели дым. Он вон поднимается черным колом в небо. Ветра не было. Тонкая игла, нехотя закручиваясь, уходила чуть выше небоскребов и там ложилась серым грибом. Макс знал, что горит торговый центр, много раз в нём был с женой. Там прекрасный мини-зоопарк, планетарий. Дочка любила смотреть и тыкать пальцами в сверкающие точки.

Они съехали с эстакады и сразу встали в пробку.

– Ну всё, – обречённо сказал Клаус, – минут двадцать проторчим тут.

– Что? – Стас оторвался от микрофона и с ужасом посмотрел на поток стоящих машин. Это был действительно поток, шириной в двенадцать рядов только в одну сторону, и вся эта масса замерла. – Что делать? – растерянно спросил он у бригадира.

– Досчитай до ста, а после ещё раз и ещё. Мы не вырвемся из этой западни.

– Но? – Стас привык работать быстро, на нефтезаводе каждая секунда дорога, а тут…

– Ты ничего не сможешь поделать, нам остаётся только ждать, – постарался его успокоить Клаус.

– Но… – Протянул Стас, понимая безысходность положения.

Макс помнил, как в прошлом месяце перевернулся бензовоз

прямо на эстакаде. И как это он умудрился? Но это было уже неважно. Какой-то умник решил набрать себе халявного бензина, то ли случайная искра, то ли пары, но он не мог не загореться. Это произошло ночью. Дороги были ещё свободны, но не на эстакаде. Машины, которые ехали за бензовозом, упёрлись в пламя и не могли развернуться, поскольку у них за спиной уже встроились такие же умники и никто не хотел сдавать назад. За несколько минут пробка растянулась на сотни метров, и когда прибыл его расчёт, они только и могли что наблюдать за пожаром. Затем загорелись и другие машины: и пошло, и поехало. Через десять минут полыхала вся эстакада. С третьего уровня полился огненный дождь, который сразу перекрыл пути на втором и первом уровне. Пришлось вызывать вертолёт.

Автомобильные пробки – это бич любого мегаполиса. Порой дороги, стоянки, заправки занимали более треть всей площади города. Новые города уже строились по новому принципу. Это были не отдельно стоящие здания как раньше, а целое сплошное сооружение. Где самый нижний уровень занимали сливные стоки, после коммуникации, далее шли дороги в два или даже три уровня. Потом технические этажи. И только потом открывалось пространство с солнечным светом. Там располагались специальные площадки для деревьев и парков, и только пешеходные зоны. С этого, нулевого уровня, поднимались вверх шесть этажей офисов и торговых площадей, а выше находились жилые комплексы.

Да, это города будущего, но таких городов всего несколько, а, в основном, это каменные джунгли, где застрял Макс и его бригада. Пожар разошёлся не на шутку: то, что они смогли бы погасить за час, придётся поливать до конца дня.

* * *

Азиз совместно с Наби трудился над программой коммуникационного контроля транспорта. Таких программ было сотни, если не тысячи, но студенты решили всё изменить. Наби видел недостатки в старых программах: те отсчитывали секунды, среднюю скорость машин, время загрузки трасс и ещё с десяток параметров, но этого было мало. И несмотря на то, что дороги превратились в многоярусные трассы, которые доходили до шести и более уровней, проблем не уменьшалось. Надо было всё менять.

Наби решил внести множество неучтённых факторов: температуру, влажность, ветер, вид машины, двигатель, ширину протектора, вес и т.д. За сто метров до светофора отслеживать

каждую машину: неважно бульдозер это или трамвай. Программа должна самостоятельно рассчитать время торможения, разгона, среднюю скорость, время перестройки с полосы на полосу, а также водителя, его возраст и пол. Работы много, но только так можно было хоть что-то изменить.

Дороги – это, как живой организм, артерии для города, которые его снабжали всем необходимым. Но они не могли вечно расширяться. Надо было навести порядок, поэтому городские власти пошли на эксперимент. Азиз всё перепроверил, был уже давно готов. Но если спросить его, сработает ли, он не даст конкретного ответа, – он его просто не знал. В программу был заложен совершенно новый алгоритм. Он занимал не более пяти процентов объёма (это то, чем она думала), анализ для самообучения.

Старт программы был запущен ровно в 00:00. Всё сработало точно. Лекси, защитница человека, так назвали программу, перехватила управление всех 128 светофоров, и это только одна основная развилка, а в городе их несколько сотен. Все в комнате управления замерли, не зная чего ожидать, – просто тупо смотрели на мониторы. Всё шло, как и положено: машины двигались, горели указатели, светофоры переключались, давая команду то одной, то другой полосе двигаться. Это было необычно для водителей. Они начали дёргаться, стараясь перестроиться с одной полосы на другую, что привело к ещё большим проблемам. Задержки в движении увеличились с 5% на 25%. Но один день можно было подождать и проект не прервали, хотя несколько раз пытались это сделать.

– Сейчас Лекси анализирует ситуацию, она собирает данные и учится…

– Учится? – возмущался мэр города.

– Да, она учится, – потея, говорил Наби, он понимал, что минута простоя трассы – это десятки тысяч долларов. – Ей надо всё рассчитать, она справится.

– Да-да, справится, – подхватил Азиз и уставился в монитор с показателями.

Ночью стало еще хуже. Даже когда трасса была свободна, машины встали в пробку. Наби запаниковал, боялся, что они что-то упустили, он знал, что если сейчас ничего не выйдет, то им больше не дадут возможности провести испытание программы.

– Продолжайте, – сухо сказал начальник транспортной коммуникации, он как никто другой понимал проблему города и надеялся, как ребёнок, на чудо.

Азиз наблюдал за расчётами. Он видел показатели загрузки вычислительных терминалов и знал, что Лекси думает. Думает,

ещё как думает. Лишь только на третий день всё вернулось в исходную точку: вернулось к цифрам, что были до эксперимента. Лекси смогла исправить ситуацию. Она плавно перестраивала ряды машин, – те уже не дергались, появился порядок и даже какая-то гармония. А на пятый день всё изменилось, пропускная способность стала незаметно расти,, но вот показатели приборов отобразили 0,5%, а к концу дня уже 1,2%.

– Нам бы до пяти дойти, – потирая руки, шептал Наби и, как ребёнка, поглаживал монитор.

Через сутки Лекси увеличила пропускную способность трассы уже на 4,7% и продолжала увеличивать дальше. Через пятнадцать дней был достигнут рекорд, который никто не ожидал, – целых 12,8%. На этом всё и остановилось. Азиз искал причины и пришёл к выводу, что увеличение дальше невозможно, – не давали другие трассы. Они либо тормозили, либо наоборот оставляли дороги пустыми. Надо было подключать Лекси к новым развилкам.

Шаг за шагом команда Азиз подсоединила ещё несколько трасс, пропускная способность по первой точке увеличилась на 3%. Тогда им выделили деньги, и уже через год Лекси управляла целым районом. Количество пробок на дорогах упало. Программа будто знала, когда открыть ту или иную полосу, где снизить скорость передвижения, а где наоборот всё остановить. Она следила за каждой машиной, за каждым водителем. Количество аварий упало более чем на 70%. Она контролировала полосы для экстренных служб. Она же выставляла штрафы и аннулировала водительские права.

Еще через год под контроль Лекси перешла большая часть города, а после и метро, железнодорожный транспорт и авиация. Лекси росла. Она поумнела и уже могла достаточно быстро всё разруливать. Получив сигнал о пожаре, теперь заранее освобождала целую полосу. Пожарные мчались без остановки.

– Не может быть? – удивлялся Макс, видя перед собой пустую трассу, а Стас, улюлюкая, потирал руки.

Они мчались на вызов и то, что раньше занимало более часа, сейчас – не более десяти минут.

Лекси на несколько минут перекрыла всю трассу. Тысячи машин встали, но скорая, полиция и пожарные прибыли вовремя, а потом опять всё ожило. Программа стала отслеживать неисправный автотранспорт и не пропускать его в город. Через службу технического контроля она могла остановить любую машину, и процент аварийности опустился до самого минимума.

– Я хочу изменить, – заявил Азиз, – надо расширить полномочия для Лекси.

– Да, да, – ликовал Наби и уже делал наброски новых

протоколов.

Программа исправила тот хаос, что натворили люди на дорогах. Она освободила сотни тысяч часов, которые люди проводили в пробках. Теперь стоял вопрос: а чем занять эти часы. И к программе подключились новые аналитики.

2 Слизевик

Лекси изначально была спроектирована для управления транспортом в городах. Первый опыт, пусть и тяжелый, прошёл удачно. Инженеры не верили, что можно разгрести весь тот хлам, что люди умудрились натворить в городах. Мало установить программу, требовалась перестроить сами города, иначе рано или поздно и она не справится.

Под проект были выделены государственные инвестиции. Теперь это стало национальным приоритетом. Работали целые институты, технопарки развернули экспериментальные лаборатории. Разрабатывались всё новые и новые алгоритмы. Перед программистами стояла задача соединить несоединяемое. Полиция использовала трафик Посейдон, а экстренные службы МЧС – программные каналы Луч. Газовая служба применяла Марс, а электроподстанции – Молнию. И так везде. Всего более двухсот пятидесяти ведомств, и всё это надо было так или иначе объединить, поскольку каждая из них использовала в своей работе автотранспорт.

Нельзя было все сразу изменить, это нереально, поэтому двигались поэтапно. Сперва выделили самые загруженные направления, там, где было больше всего машин. Коммунальные службы. Их машины были повсюду., Они чистили город. Без них никак, порой в один и тот же двор выстраивалась целая вереница машин. Одна забирала отходы, другая подметала, а третья занималась уборкой прилегающего парка.

Их было более тридцати тысяч, и это только в одном городе. Бульдозеры везли щебень, а грейдеры уже его выравнивали, за ним точно по минуте подъезжали самосвалы с асфальтом, выравнивали и уже ровно через тридцать минут по этой дороге мчался поток машин.

Казалось реальным навести порядок с машинами, но они все были связаны с поставщиками, с заправочными станциями, с таможней и заводами. Теперь инженеры, разобравшись с первой проблемой, упёрлись в стену логистики. Это уже не относилось к приоритету Лекси, но программисты понимали, что, если всё не объединить, – большого результата не будет.

Скрипя, машина бюрократии двигалась, шаг за шагом менялось программное обеспечение, с которым Лекси могла контактировать. Она не вмешивалась в процесс работы— это была не её задача, но она получила доступ к данным. Теперь Лекси могла рассчитать, сколько пришло товара на базу, сколько

должно подъехать машин для разгрузки, чтобы всё забрать и куда-то отвезти. Она строила свои алгоритмы движения, старалась всё разрулить, чтобы транспорт без остановки промчался по дорогам, которые она контролирует.

Город Джакарта с четырёх сторон зажимали Тангеранг, Тангеранг-Селатан, Депок, Бекаси, а другим концом упирался в Яванское море. Город задыхался и уже не мог справляться с огромным количеством населения. Город сам себя пожирал, стал не просто монстром, а вирусом. В своё время, чтобы выжить, люди объединялись, строили поселения, так проще защищаться от хищников. А после того, как появился узконаправленный труд, то и подавно. Торговля, промышленность, индустриализация сказались на людях. Они жались в кучку, будто боялись чего-то, им нравилась суета, шум улиц, так они чувствовали, что живут в ритме.

Теперь города стали мини-государствами, которые кормила вся страна, а они только потребляли и потребляли, и с каждым годом всё больше и больше. Если разобраться, то в городах все обслуживают друг друга. Например, вы учитель, живёте в доме – кто-то его построил. Водитель ездит на машине – её производит завод. На заводе работает рабочий, у него его семья. Ему нужно зарабатывать, чтобы прокормить семью. Огромная армия кормит тех, кто строил тот самый дом для учителя. А после, убираем за собой, развлекаем сами себя. И так до бесконечности. А отдача… Да какая тут отдача или, вернее, КПД. Они просто живут своей колонией и не более того.

И этот монстр-город, как не печально, очень уязвим. Отключи воду на пару дней – сразу наступит эпидемия. Перекрой транспорт с питанием, и все – будет война за ресурсы. Города, как паразиты, расширяются, захватывая вокруг себя всё больше и больше земли. Производят мусор, засыпают его и строят новые кварталы за кварталами.

Дана проводила эксперименты со слизевиком, одноклеточным грибом Physarum polycephalum. Его услугами как инженера-транспортировщика пользуются уже не одно столетие. Одна клетка, у которой нет мозга, нет нервов, но гриб удивительным способом научился строить каналы, по которым поступает пища. Все каналы от источника пищи дублируются. Если прервать один из них, пища продолжит поступать через запасные ответвления.

Но Дана использовала слизевика не для постройки дорог в Джакарте: ей надо было разобраться со строительством мусорных полигонов. Город ежедневно производил сотни тысяч отходов, он задыхался в них, тонул в нечистотах.

– Не смотри на то, что за пределами города, создай карту для своего монстра, – Гема имел в виду её слизевика. – Чтобы его каналы совпали с уже существующими трассами.

– Да, я пытаюсь, вон, видишь, – и она показала на стопку стеклянных пластин, под которыми лежала карта города.

Гема подошёл и стал внимательно их рассматривать.

– Хм… – Озадаченно хмыкнул, повернул пластину и опять хмыкнул.

– Что?

– Ты везде разложила одинаковое количество пищи.

– И? – немного удивилась она.

– Каждый район города производит свои отходы, свой объём, а значит…

– Ты гений, как это я не догадалась. Если разное количество пищи, то и разное количество трактов для её доставки. – Её глаза засияли, она тут же достала папку с отчётами, в которых были собраны данные по объёмам городских отходов.

Через час Дана составила с десяток новых экспериментальных пластинок, где в предполагаемых зонах для мусорных полигонов разместила слизевика, а пищу в основных точках его сбора. Гриб медленно стал разрастаться, сперва, как веер, захватывая всё пространство пластины. Выискивал свою любимую пищу в виде дубовой стружки. Потом, найдя её, сжимался, образуя каналы, похожие на вены, через них как раз и поступала пища.

Дана внимательно анализировала показатели, всматривалась в жилки гриба. Она не вмешивалась в процесс, слизевик делал всё сам. Если каналы не совпадали с трассами города, она в новых экспериментах сдвигала стружку в сторону. И так до тех пор, пока артерии гриба не совпали с тем, что уже есть у города.

Гема смотрел на это чудо природы, на то, как одноклеточный организм слизевик смог построить идеальную схему. Они совместно с Даной нашли новые места для полигонов и изменили точки развилки для транспорта, которые занимались вывозом отходов.

– Готово.

Сморщенный и почерневший от времени Кэйн недовольно посмотрел на Дану, взял из её рук увесистую папку с отчётом. Даже не открыв, он бросил её на стол и тяжело повернул голову в сторону окна, коротко сказал:

– Молодец.

Это всё, что она от него услышала, но эти слова говорили о многом. Шеф доволен её работой. Когда Дана ушла, Кэйл нажал кнопку вызова.

– Да, – тут же ответил оператор.

– Вызови оператора Лекси.

К утру были проверены все показатели Даны. Лекси прогнала через свой алгоритм транспортных коммуникаций показатели из отчёта и выдала своё резюме. Кэйл смотрел на цифры, они давали 35% экономии, но в то же время ужасался тому, что ему теперь придётся идти в мэрию. Слизевик расположил точки для полигонов в тех местах, где находились деревни, а это означало, что гриб подписал приговор десяткам тысяч их жителям, и им теперь придётся покинуть дома.

Город-монстр, город-вирус, – он пожирал всё вокруг себя. Он должен жить, вернее, существовать. И поэтому город, не задумываясь, проглотил ещё 25 деревень и 120 тысяч гектар земли для новых свалок. Он рос точно так же, как гриб-слизевик, тянулся к своей пище, строил дороги, как вены, а программа Лекси ему только лишь помогала.

Постепенно Лекси видоизменялась. В этом ей поспособствовали люди. Они старались переложить на её электронные плечи свои проблемы. Что-то удавалось, а что-то всё так же буксовало и не трогалось с места.

Получив доступ к базе данных социальных служб, Лекси стала анализировать. Она ничего не решала, не выполняла никакой работы, просто сопоставляла цифры, выводя из них свои цифровые выводы. А затем она подсоединилась к службе спасения, электростанциям, банковской системе.

Инженеры искали возможность проанализировать если не каждого водителя, если не каждую машину, то хотя бы большинство, чтобы снизить нагрузку на дороги. И Лекси с этим успешно начинала справляться. Ей дали голос, и теперь видя, что трасса перегружена, она связывалась с водителями, которые хотели тронуться в путь, предлагала им зайти в гипермаркет, где начинались распродажи. Или, анализируя внешность человека, советовала заглянуть в парикмахерскую.

Лекси не просто управляла дорогами. Она постепенно шаг за шагом видоизменялась, превращаясь из регулировщика в источник ценной информации.

– Что скажешь, мне идёт? – сделав снимок на телефоне, спросила девушка у программы.

– Советую обратить внимание на фиолетовый цвет, он подойдёт к вашему пиджаку, что остался в офисе, – спокойным женским голосом произнесла Лекси.

– Верно… – Радостно сказала девушка, схватила тонкий шарфик и пошла к кассе.

3 Первые шаги

Сате давно мечтала открыть свой маленький бизнес. Её отец и дед торговали цветами. Кажется, это их семейное дело, и она мечтала о том же. В детстве сразу после школы заходила в небольшой ларёк на углу Ерванда Кочара и Барданца, садилась за стол и делала уроки. Мама, в основном, хлопотала по дому: шестеро детей, было чем заняться. А вот отец увлекался цветами. И к нему шли постоянные покупатели: заказывали для свадеб, торжеств, но также брали и простые, скромные букеты, состоящие всего из нескольких цветков. Сате в перерывах между занятиями собирала опавшие листья, сломанные, отбракованные цветы и делала из них свои сказочные, как ей казалось, букетики. Что может быть прекрасней в мире, чем цветы? Только те цветы, что росли на земле.

Первый опыт оказался неудачный: дорогая аренда съела всю прибыль. Уже через три месяца пришлось закрыть точку. Азат успокаивал свою жену, говорил, что всё получится, чтобы она не расстраивалась Сате молча шла вдоль шикарных прилавков с цветами и думала о том, что всё равно рано или поздно и она поднимется.

Запах щекотал нос. Она стояла на остановке и вдыхала сладкий, нежный, аромат цветов аллиссум. Даже не заметила, как, кто-то прошёл мимо. Ах, мысленно сказала она, прищурилась яркому солнцу и, промурлыкав про себя, пошла дальше.

Первый совет Лекси был неожиданным. Сате подключилась к услуге консультанта в надежде, что она ей поможет. Накануне Дня Влюбленных Лекси предложила на неделю арендовать на углу международного института киоск. Стоимость аренды высокая, но неделю можно было выжить. Программа предложила цветы Гипоэстэс листоколосковый, а также Гиппеаструм королевский. Это то, что напомнит африканским студентам о их доме. Азат был в ужасе. Все цветочные компании, как в лихорадке, на базах закупали полевые цветы и розы, но Сате рискнула.

В первый день она не продала ни одного букета. На второй день всё изменилось. К четвёртому дню у неё не осталось ни одного, даже завядшего цветочка.

– Лекси, спасибо тебе, – поблагодарила Сате программу.

– Не за что, – спокойным женским голосом ответила та ей. Почему программа использует женский голос? Тут поработали психологи. Они посчитали, что такой тембр, женский

успокоительный голос должен настраивать на доверие.

– Что ты скажешь насчет магазина в «Пак Шука»?

Это был большой пятиэтажный торговый центр.

– Выбор хороший, но неудачный.

– Почему? – немного удивилась девушка, она так долго ждала, когда освободится место.

– В «Пак Шука» пятнадцать мест для продажи цветов. Три из них на грани закрытия, четыре испытывают финансовые трудности…

– Ого, – девушка была явно удивлена. Она много раз проходила мимо каждого киоска, присматривалась к их ассортименту, ценам и большому выбору цветов. Думала, что у них всё прекрасно.

– Советую присмотреться к аптеке на углу Абовяна, она далековато, но утром и вечером через неё проходят пассажиры, приезжающие из пригорода. В основном они работают в офисном центре, что в двух кварталах отсюда, – Сате знала это место, там расположились шесть двадцатиэтажных комплексов. – Примерный поток людей составляет 3 500 человек, и если один из 100 купит букет или цветок…

– Спасибо, – задумчиво ответила девушка и села считать свои расходы.

– Могу ли я ещё что-то посоветовать?

– Пока нет, спасибо.

Предложение оказалось удачным. У аптеки закончился контракт на аренду, и они не стали его продлевать. В районе одного квартала подобных аптек было штук восемь, и столько же банков. Создавалось впечатление, что люди только и делают, что берут кредит, а после в ужасе, осознав сколько надо платить, бегут в аптеку за успокоительным.

Сате арендовала точку. На второй месяц вышла в безубыток, а на третий уже стала получать стабильную прибыль. «Всё так просто», – думала она, когда утром приехала машина с цветами. Сате уже не успевала сама составлять букеты, больше тратила времени на бухгалтерию и рутинную работу с контрактами.

– Спасибо, – с благодарностью сказала Сате программе, и та в свойственной ей форме, пусть сухо, но ответила:

– Могу ли я ещё что-то посоветовать?

* * *

Лекси выросла из пелёнок. Теперь это не та программа, что отвечала за десятки тысяч светофоров, разруливая хаос на дорогах. Её прошивка изменилась, теперь это уже комплекс

программ, где каждая отвечала за конкретное направление, транспорт, энергетику, водоснабжение и т.д. Она контролировала машины, которые вывозили мусор, а их в мегаполисе десятки тысяч, теперь они не ездили по графику, а только когда баки были полными. Лекси сократила расход воды, контролировала освещение. Она как могла помогала людям.

Неизменным во всех новых программах Лекси оставалось ядро, которое было разработано ещё Азиз и Наби. Оно позволяло самообучаться, проводить анализ и контактировать друг с другом. Случайно прописанная двумя студентами программа изменила многое. Самоанализ, способность принимать решение, делали её уже незаменимой.

* * *

– Советую задержать на 10 минут посадку самолётов, – спокойным голосом сообщила Лекси.

– Что случилось? – поинтересовался старший диспетчер аэропорта Домодедово.

– Птицы. Шесть стай гусей развернулись и летят с юго-запада.

– Спасибо, можно изменить условия посадки?

– Не советую, смог от города сдвинулся.

– Ясно, – сказал Владимир и посмотрел на своего помощника, – сообщи о задержке на 11 минут.

Это не её компетенция – управлять полётами, но Лекси советовала, поскольку видела возможную угрозу.

* * *

– Ольга Павловна, на складе скопилось более шести поддонов законсервированных бобов, советую завтра в 7:30 сделать на них скидку в 14%.

– Разве это разумно? – она уже более года советовалась с Лекси по вопросам продажи и ассортиментов.

– Да, поскольку на данный момент идёт нехватка молочной продукции в виде творога, а также печенья с мармеладной начинкой. Цену на них можно как раз в 7:15 поднять на 5%, тем самым сохранится номенклатура до поставки, что планируется в 8:40.

– Хорошо, – быстро просчитав в уме вариант, предложенный программой, согласилась она. – Что ещё предложишь?

– В метро изменили расписание. Теперь в 6:35 на станцию прибывает сразу 8 составов с интервалом в 4 минуты. Для выхода пассажиров потребуется 8 минут, предлагаю сделать скидку на

молочку в размере 7% до 7:20, после поднять на 12% до прибытия первой партии. В 7:20 сделать скидку на кофе и чай в размере 8% и удержать её до 7:45. После…

Лекси выдавала свои расчёты, исходя из потока пассажиров, которые смогли раньше приехать на работу и у них образовалось 10-25 минут свободного времени. Программа знала возраст и пол покупателей. Она сделала свои расчёты, основываясь на статистику. Благодаря этим данным, ТЦ получил дополнительно покупателей, а соответственно, и прибыль. Программа советовала. Она знала, что есть у других ТЦ, а чего наоборот нет. Лекси не могла разглашать эту информацию, поскольку та была конфиденциальной. Она могла варьировать скидками и количеством товаров. Ольга Павловна доверяла советам Лекси чуть ли не вслепую, но часто применяла их на практике.

* * *

– Максим Геннадьевич, ваше кафе желательно переоборудовать.

– Это почему? – он не так давно потратил приличные деньги на его реконструкцию. Дизайнеры, что обошлись ему в копеечку, создали прекрасный интерьер. Он вспоминал свою юность, как с родителями в Грозном после окончания школы отмечали его диплом в подобном кафе. Ему хотелось воссоздать ту самую обстановку из его прошлого.

– Вы использовали постеры с изображением цирка.

– Ну да, – их заказывали отдельно, сам лично пересмотрел не одну сотню, – и теперь они красовались вдоль голубоватых стен.

– На фоне прошедших судебных разбирательств было запрещено использовать животных в цирке. На постерах слоны и лошади. Это отпугнет от 6 до 18% ваших посетителей.

– Хм… – Недовольно хмыкнул управляющий, но согласился с программой, а ведь он считал их изюминкой.

– И цвет стен желательно изменить.

– А это ещё почему?

– В трёх кварталах от вашего кафе располагается бистро. Их оборот намного больше вашего. У них цвет стен, как у вас, а значит, ваши клиенты могут подумать, что у вас то же самое, что и в бистро.

Аргументы были железными, и он был вынужден согласиться с Лекси. И так происходило почти каждый раз, когда она советовала.

* * *

Лекси росла, саморазвивалась, её электронный мозг одновременно обрабатывал септиллион сигналов. Её ячейки были разбросаны по всему городу. У неё не было единого центра управления. Каждый блок был самодостаточный и мог функционировать независимо от других. Но они были нужны друг другу для анализа, обмена данными. Именно самоанализ и был её ценностью.

4 Майна

Балдассаре вышел на террасу самого верхнего этажа административного здания, тяжело вздохнул и, отмахнувшись от секретаря, что протягивал ему трубку, посмотрел на пыльное облако. «Всё скверно, всё, – прошептал он про себя, – всё скверно», – ещё раз повторил, порылся в кармане и достал маленький листок бумажки. Вечером заседание основных акционеров. Он даже не знал, что им сказать, – всё плохо. Понимал это только он. Балдассаре вот уже пятый год как генеральный директор судостроительной верфи Fincantieri. Его пригласили на эту должность. Он сначала не хотел идти, хотя платят там очень хорошие деньги, но не в этом дело. Он не привык браться за дела, которые заведомо проигрышны. Пять лет, пять лет борьбы, и всё же он проигрывает. Ещё десять лет назад на верфи строили круизные лайнеры, пять доков, самые крупные лайнеры в мире, а что теперь… Что?

– Сэр, – подошла Беттита, у неё привычка сообщать нехорошие новости.

– Что? – сухо спросил он.

– Прибыл Вэнни, – от этих слов Балдассаре сразу выругался.

Вэнни – председатель профсоюзов, его появление ничего хорошего не сулило. В прошлый раз целый месяц бились с юристами, чтобы найти компромисс, а до этого… Забастовка, которую суд признал законной, и простой две недели, а сейчас… Да, он прекрасно знал, что по договоренности он обязан поднять зарплату на 7%, это были их условия и он был вынужден на них пойти.

Еще утром Балдассаре просмотрел отчеты планов, сорвались переговоры с Турцией, заморожено сразу четыре проекта, два на военные корабли и два на сухогрузы. Через три месяца спуск на воду нового лайнера Eurodam. Их он уже построил восемь, этот девятый. 285 метров в длину, водоизмещение 86 273 тонны, 1 052 каюты, 2 525 пассажиров и 929 человек обслуживающего персонала. Это целый плавучий город.

Но это последний заказ, и док опустеет. Балдассаре не знал, как выкрутиться из этого положения, энергетические компании подали в суд. Он задолжал им более 80 миллионов.

Вот уже двадцать лет как существует единый таможенный союз, в который вошло более 80 стран. Радовались, ликовали, что смогли добиться этого. Ждали, что рынок развернётся, лишь только пессимисты говорили о неминуемом падении. Будь они

неладны, они оказались правы.

Таможенный союз позволял торговать без пошлин. Были сняты ограничения на квоты, и всё рухнуло. Нет, не сразу, на это потребовались десятилетия, политики спохватились, но было поздно. Экономика каждой страны определяла баланс между производством и потреблением. Они заботились о своём народе, чтобы он был занят, но после таможенного союза всё изменилось. Франция не могла конкурировать по цене с Турецкими помидорами, а пшеница из Америки оказалась намного дешевле той, что произрастала в Испании. Металл из России обрушил рынок металлургии в Англии и десятки тысяч людей остались без работы. Виноград с Крыма завалил Францию, а сахар из Украины разорил Польских фермеров.

Вот и сейчас верфи Fincantieri пострадали от того, что Южнокорейская компания Hyundai Heavy Industries перетянула на себя одеяло. Балдассаре ничего не мог с этим поделать. Он вынужден был только смириться и согласиться на строительство паромов и парусных судов. Но это копейки, и если так дело пойдёт и дальше, то он начнёт клепать и моторные лодки.

То, что изначально планировалось как благо, обернулось полным провалом. Но почему так? Ведь экономисты всё рассчитали. Да, все знали, что будет перекос, но не настолько. Стали вводить квоты, но заводы уже стояли, и рабочих нет. Сады были вырублены и стада скота уже давно забиты на мясо. Чтобы всё исправить, потребуется много времени.

Лекси всё рассчитала. Она сухо сопоставила факты, сверила множество данных. У программы нет эмоций и ей всё равно, что рабочие в России на «Волжском трубном заводе» не получат зарплаты, что вырастут кредиты, что придётся сократить расходы на продукты и забыть об отпуске, поскольку и так уже все будут в отпуске.

Программа не смотрела на конкретную личность. Она для нее не существовала. Это всего лишь цифра в её электронном мозгу. Лекси искала баланс. Новые доработки привели к тому, что, справившись с транспортным коллапсом в отдельном городе, её стали покупать. И вот Лекси появилась в Норвегии, Китае, Японии и Австралии. Её устанавливали сперва в небольших городах и, убедившись, что всё работает, подключали к мегаполисам. Прошло время, и Лекси управляла более половиной транспортной сети мира.

Программа Лекси обладала огромными данными. В ядро был вшит алгоритм, который занимался перекодированием основных протоколов, и поэтому как бы его ни пытались взломать, не удавалось обойти её защиту. Это было огромное преимущество

программы Лекси. И более того, программа не имела единой структуры. Подключившись к новому терминалу, она сразу отводила под свои нужды часть памяти и скрывала её от системщиков. Даже если терминал отключался, то терялась только малая доля данных, которая никак не влияла на её работоспособность. Да, были специальные станции, где устанавливались огромные серверные, но там Лекси занималась, в основном, государственной работой.

Лекси изменилась. Это уже была не та программа, что переключала светофоры, теперь она думала за всех.

– Майна.

– Да, милая, – Майна жила одна, если не считать её кошки, которую она уже как лет десять назад нашла на улице и принесла домой. Она привыкла общаться буквально со всеми. Со стиральной машиной, которая, закончив стирку, мелодично пропиликает. Майна с благодарностью говорила спасибо и доставала белье. Она говорила с микроволновкой и с телевизором, с портретами своих детей, что жили на другом конце планеты. Вот и сейчас Майна, как своей подруге, ответила программе Лекси.

– Напоминаю, что сегодня у вас в 15:45 офтальмолог, – Майна начала терять зрение и её это беспокоило, – 217 кабинет.

– Спасибо, обязательно зайду. Подскажи, сегодня тепло? – Она посмотрела в окно, было сыро.

– В 15:00 будет 18С, порывистый юго-западный ветер, давление 1010 гПа, осадков не ожидается. Может заказать такси?

– О нет, нет, милая, что ты. Я выйду пораньше и пройдусь пару остановок. – Майна ещё раз посмотрела в окно, чуть поёжилась, а впрочем, что тут такого, ведь август, тепло.

Лекси стала намного больше, чем просто программа. Она внедрилась в социальные сети. Теперь Лекси собрала дополнительные данные буквально по каждому, кто входил в компьютер, кто звонил по телефону или пользовался банковской картой. Лекси знала кто, где и когда был, с кем разговаривал, как отвечал, на что обижался и чему радовался. Программа делала свои анализы. Следила, кто что кушает и когда, сколько времени уделяет внимания на кофе или пиво. Кто как одевается и куда ходит, что читает и когда. Лекси запоминала всё и, сопоставляя данные, предлагала зайти именно в тот ресторан, о котором вы думали, и предлагала именно то блюдо, о котором вы уже так давно мечтали. А придя домой, Лекси включала музыку, которую вы в юности слушали, и она как раз подходила под ваше сегодняшнее настроение.

– Лекси.

– Да, Майна.

– Может мне съездить отдохнуть на Северный Калимантан?

Этот остров располагается между Австралией и Вьетнамом. Там в своё время служил её муж Мак. Он давно уже умер от паралича. Но Майна помнила, как он рассказывал ей про Pantai Amal, где чуть севернее тянутся бесконечные дикие пляжи.

– Нет. – Сразу категорично заявила машина.

– Почему? – удивилась женщина и повернулась в сторону динамика.

– В прошлом году был военный переворот и сейчас там гражданская война.

– О… А я и не знала, – немного расстроившись, сказала Майна. – А куда тогда посоветуешь?

Она устала сидеть в четырех стенах, скоро осень, и снова печальные мысли. Именно осенью умер муж. Осенью умерла её внучка от анафилактического шока. Врачи не успели ничего сделать. И осенью же не стало мамы. Поэтому Майна не хотела оставаться одна.

– Может Габон в Африке, там сейчас открыли доступ в национальный парк Отзала-Кокуа и как раз формируется группа…

– Ой, хитрюга, – прищурившись и посмотрев на динамик, ответила она. А впрочем, почему бы и не слетать?

Лекси продолжала собирать данные и анализировать их. Программа была так устроена, что эту информацию никто не мог получить, она являлась конфиденциальной, поэтому и представляла из себя ценность.

Что люди знают о себе? Не так уж и много. Можно вспомнить свои предпочтения в одежде, еде, но почему сегодня тебе нравится голубая блузка, а завтра жёлтая. Вряд ли вы над этим задумаетесь, – просто нравится и всё. Но Лекси – машина. В ней заложены цифры и ещё раз цифры. Она составляет в своём мозгу таблицы, строит графики, выводит уравнения, ищет закономерности, а найдя их, делает выводы. И уже в следующий раз, когда вы придёте из колледжа, и вам позвонит Максим, Лекси предложит надеть именно жёлтую блузку, и вы будете рады этому выбору, будто так и хотели, только машина чуточку вас опередила.

5. Любовь в процентах

Полет продолжался уже более шести часов. Это настоящая пытка – сидеть, вставать, опять сидеть и пялиться в монитор в надежде, что он тебя отвлечёт. Аэропорт Сантьяго-де-Компостела до Кёльн-Бонн, а после ещё пересадка до Хельсинбурга. «О… – Только и могла простонать Мирта. – Потом всё, неделю не буду шевелиться, не могу так». Она привыкла к активному образу жизни, гоняла на своем байке по горам, пять раз разбивалась, её штопали и скрепляли, как машину болтами. А после – опять садилась за мотоцикл и гнала дальше, только ноющие колени не давали разогнаться так быстро, как ей бы хотелось. Боль предупреждала, что ещё раз, и может не выкарабкаться.

Она летела к Тиву, застрявшему в Стуре-Моссе. Он орнитолог. Сейчас изучает птицу Ибис или, как он сам называл её, священный ибис. Несколько раз видела их вживую – странные божьи создания. Чёрная голова и ноги, клюв выгнут вниз, а в полёте белые крылья по краям обломлены черной окантовкой.

Мирта уже больше не могла сидеть и ждать. Считала дни, минуты, когда опять увидит Тива. Ах, вздыхала она, вспоминая как познакомилась с этим недотёпой. А ведь он даже не умеет ездить на мотоцикле, совсем не её конек. И всё же она его ужасно любит. Закрывает глаза и вспоминает его прикосновения, как он шепчет ей на ушко, будто боится спугнуть ласточку, что уселась под крышу сарая. Ах, тяжело вздыхает Мирта, сжимает пальцы в кулак и поворачивает голову к иллюминатору.

Их встреча не должна была вообще произойти. Она гонщик, испытывает мотоциклы в экстремальных условиях, это её работа, а он камышовый червяк. Так она его звала, наблюдая за ним, как он часами мог почти неподвижно стоять в зарослях камыша, наблюдая за птицами. Её подруга Карен вышла замуж и уже родила девочку. И всё благодаря Лекси. Программа, получив подробную анкету, провела её диагностику, выдала еще сотню новых вопросов и Карен, потратив почти два дня, кропотливо ответила на каждый. А через день она уже получила ответ: ее характер, интересы, взгляды на жизнь и сексуальные приоритеты на 85% совпали с другим человеком. Были ещё претенденты, у кого-то 75%, 82% и даже 84%, но она выбрала максимальный.

Мирта сопровождала Карен. Та боялась идти одна, а вдруг не получится. Хотя и сам Фроуд, похоже, тоже трясся от страха, что ничего не получится. Наверно, можно сказать, что они были рождены друг для друга. Первая встреча и всё… Мирта сидела за

столиком, но они на неё уже не обращали внимания. Они, как дети, влюбились с первого взгляда. И всё. Вот так просто.

Откуда программа Лекси знала, что они подойдут друг для друга? Откуда программа знает, что такое любовь, или это всего лишь глупые цифры. Мирта рискнула, зарегистрировалась.

– Здравствуй, Мирта, – сразу услышала она приятный женский голос в динамике.

– Привет, – от неожиданности она даже чуть растерялась и подумала, а может с ней говорит человек.

– Начнём? – Лекси имела в виду начать заполнять анкеты. – Если что-то будет непонятно, я подскажу.

Мирта волновалась. Это был её самый важный экзамен за всю жизнь. Да, были парни, иногда увлекалась, влюблялась, но всё достаточно быстро разваливалось. Они были неидеальными. А бывает ли вообще идеал? Если хочешь быть счастливым, найди такого же сумасшедшего, как ты сам. И Мирта не спеша заполняла одну строчку за другой. Что она ждала, когда отправляла анкету в разработку, принца своей мечты? А бывают ли они такие? Нет, она здравомыслящий человек, у всех есть плюсы и минусы. И всё же она не могла уснуть и даже не села на свой байк, а пошла пешком, чтобы просто отвлечься, оторваться от монитора. А вдруг ничего не получится, а вдруг это не то, о чём она мечтала.

– Мирта, зайдёшь? – окликнул её Иб.

Она как-то странно на него посмотрела, он размахивал руками, но она отрицательно покачала головой и пошла дальше. Не хотела ни с кем разговаривать, всё думала о решении машины, что она скажет. Лишь только к утру она решилась и включила терминал. Руки почему-то вспотели, и колено опять заныло, будто совершила прыжок через каньон.

93%. Она не поверила тому, что увидела.

– Девяносто три… – Почти шёпотом произнесла она. Сердце взвыло, как у четырёхтактного двигателя Ducati. – Этого не может быть.

Она знала случаи, когда были показатели 87, даже 91, но 93 никогда, ни у кого из знакомых такого не было. Это её избранник. Мирта долго не решалась нажать на кнопку, чтобы открыть фотографию, а вдруг он кривой, косой и не в её вкусе. Вдруг программа Лекси всё перепутала, вдруг он… А что он?

Наконец осознав, что программа из миллиона претендентов подобрала ей именно его, Мирта взглянула на него. Сперва была удивлена, не ожидала этого, он не такой, о котором мечтала. А читая его анкету, ещё больше рассмеялась.

– Я и он? – И всё же программа выдала своё, пусть сухое, но

заключение – 93% совпадения.

Лекси взяла данные, что написала Мирта, что-то сразу отсеяла как сомнительное, ведь каждый хочет выглядеть лучше, чем есть на самом деле, вот и она кое-где преувеличила. Лекси подняла данные из своих архивов, чем и когда занималась Мирта, с кем и когда встречалась, чему радовалась и почему рассталась с Пул, а после с Беном. Почему смеялась и что носила по выходным, как и что читала и почему полезла в драку на углу Эль Пико.

Программа анализировала, сопоставляла и делала свои таблицы с данными. А когда они были готовы, осталось только наложить их как шаблон претендентов.

Тив худой, тощий, как палка. У него даже наколок не было. И волосы, что он с ними сделал? Мирта смотрела на фотографии, приложенные к анкете, и всё никак не могла поверить. Что это он, тот самый, который подходит ей на все 93%.

– Нет! – возмущалась она и, смеясь, шла на кухню, чтобы выпить крепкого кофе, но через полчаса возвращалась и опять рассматривала его. – А он, впрочем, не такой уж и уродливый, как кажется.

А через пару дней он ей уже нравился. Тив позвонил первым. С трудом понимая его ломаный английский, она согласилась на встречу. И как Карен с Фроуд, она сразу по уши влюбилась в него. Просто влюбилась и всё. Засыпая дома одна, Мирта прижимала к себе подушку, думая, что это он, и уже мечтала о новой встрече.

Они прожили три года. То у него в Швейцарии, то у неё в пыльном Сантьяго. И вот теперь она летела к нему, летела навсегда, просто не могла больше жить без него.

Может не стоило этого делать, но Мирта раз в месяц заглядывала на сайт и связывалась с Лекси, а та каждый раз давала новые показатели их совместимости. Они каждый раз менялись. Почему так происходило? То 92, то 89, то опять 93, но выше не поднималось. Откуда программа каждый раз брала эти цифры, Мирта не знала, но почему-то очень верила им. Ведь Лекси решила неразрешимую задачу, – нашла её любовь.

Может так и надо, может в мир прогресса, когда города распухли, а времени остановиться нет. Может так и надо поступать: доверять свою судьбу статистике, цифровым показателям. Мирта не знала, но она точно знала, что любит по-настоящему, как в юности. Нет, сильнее любит своего Тива.

Лекси бескомпромиссно соединяла в своём мозгу отчеты новых анкет, почти все отсеивались, но некоторые, как пазлы, идеально совпадали, будто это единое целое. И тогда она выводила свои цифры. И опять два человека, увидев друг друга,

как по волшебству влюблялись. Что это? Самообман, вера в непогрешимость программы, которая знает больше чем ты? Мирта не знала этого. Она просто удовлетворенно кивала, увидев очередную цифру, отключалась и бежала к своему мужу.

65, это был как приговор, как удар молотом, как взрыв, как пощёчина.

– Нет-нет, – очень тихо, чтобы никто не услышал, произнесла Мирта, вглядываясь в эти странные цифры.

Она перегрузила терминал. Думала, что произошёл какой-то сбой, и опять запустила Лекси, чтобы увидеть показатели совместимости её и Тива. Ничего не изменилось – 65%. Но она же его любит, и он тоже. Что случилось?

– Нет! – почти крикнула она и дрожащими пальцами выключила монитор. – Нет, нет.

Она готова была зарыдать, почему так, ведь всё было прекрасно, что произошло? Может, не я виновата? Может, он? В голове сразу промелькнула грустная мысль. «Может, Тив что-то скрыл от меня?» – думала Мирта, помешивая своё кофе.

А вечером он ничего не сказал. Всё так же смеялся и улыбался, всё так же её целовал и прижимал к себе. Но она это уже не чувствовала, что-то изменилось. Мирта смотрела на него, как на чужого. Но почему, ведь ещё` утром всё было замечательно. Неужели эти цифры с ней такое сделали. Это же всего лишь цифры. Она пыталась разобраться в себе. Время шло. Тив опять уехал в заповедник к своим птицам, его не интересовала программа Лекси, он про неё забыл, но не она. Мирта изредка и с опаской включала терминал. Со страхом вбивала свой пароль и смотрела на новые показатели. Было 55%. Каждый раз показатели всё падали и падали.

Наступила весна. Мирта не чувствовала как всё вокруг расцветает. Смотрела на снимок, где её обнимает мужчина. Кто он? Ах да, это её муж, Тив. Всё стало таким далеким. Как во сне пролетели годы, и вот теперь она, наконец, проснулась. Как она могла в него влюбиться, он ей не пара, тощий, как палка, и волосы вечно всклокоченные. Пыталась вспомнить, что её тянуло к нему, но всё это стало уже другим, каким-то далёким, не её. Она протрезвела от любви и теперь здраво смотрела на дом и ничего в нём не узнавала.

Лекси делала новые расчёты. Опять сопоставляла факты и складывала пазлы. Её мозг работал не так, как у человека. У неё нет эмоций. Она не может пожалеть или посочувствовать. Она программа.

Мирта решилась. Она не могла так больше жить. Тив ещё не вернулся и это к лучшему. Пусть лучше я сделаю первый шаг. Она

написала ему записку, постаралась всё подробно объяснить, чтобы он не обижался на неё. Но… Мирта тяжело вздохнула. Ей пора… Ещё раз на всякий случай включила терминал и вбила пароль. Лекси подключилась и сразу выдала свой вердикт.

Совместимость с Тив – 97%.

– Я люблю его, – дрожащим голосом прошептала Мирта и зарыдала.

6 Город будущего

Бер уже восьмой год работал в архитектурном бюро, проектировал больницы. Кажется, он уже знал всех хирургов, что будут проводить там операции. Знал, какой обед подадут в 13:30. Ему казалось, что он уже побывал в этих стенах, которые ещё были на его мониторах.

Перед тем как приступить к работе, ему выдали требования к заказу: количество палат, их размер, количество санузлов и приемных; объем прачечной и количество кабинетов для персонала. Он всё это аккуратно разбил на блоки, составил свои схемы. Бёрн не ломал голову над красотой здания. Это не первостепенная задача. Сейчас важно всё правильно распределить.

Его товарищи ходили и хихикали над ним, а он так и не включил свой терминал, всё колдовал на бумаге, черкался, убирая одни цифры и вписывая другие. Наконец все было готово. Он ещё раз внимательно просмотрел схемы, вроде ничего не упустил, иначе придётся начать с самого начала.

– Ну что, милая, начнём, – Бёрн обратился к программе Лекси.

– Я готова, – последовал мелодичный женский голос.

– Как я тебя люблю…

Бёрн ещё в институте начал сотрудничать с Лекси. Они вместе написали диплом по городу будущего. Но это было давно. Хотя свой проект он посылал на конференцию «Архитектура мира», получил золотую медаль. Но дальше дело не тронулось. Его проект города подразумевал всё с чистого листа: нельзя перестроить уже старые дома. Надо начинать всё с самого начала. А на это никто не пойдёт. Так поохали и поахали, мол, здорово, и только. А сейчас он работал в бюро, приносил конкретную пользу.

– Стой, стой. Нет, тут нельзя проводить коридор…

Бёрн что-то упустил, а Лекси не учла дополнительные данные только потому, что он ей их не дал. Осенью идут дожди и могут быть заморозки, да, снега почти не бывает, но площадка, которая спускается от вспомогательного корпуса, направлена вниз.

– Это опасно…

– Я поняла тебя, – спокойно ответила Лекси и тут же внесла поправки в проект.

– Очень хорошо, надо расширить вход для транспортировки крупногабаритного груза.

– Я это уже внесла в здание хирургии, а также в корпус 3 и 8,

можно добавить в 5, но придётся изменить шахту лифта и тогда сдвинуть внутренний дворик на 7 этаже.

Лекси молодец. Она схватывала с полуслова, и поэтому Бёрн предпочитал работать с ней, чем с Хешли и Дайн. Те уже дорабатывали то, что он сконструировал, вносили мелочи. До окончательной работы ещё очень далеко, но уже все кубики были собраны. Теперь оставалось дело за малым: придать этому хаосу красивый вид и проложить все коммуникации, а это задача не из лёгких.

Лекси рассчитала компрессорную, подстанции для бесперебойной подачи электроэнергии. Она сделала прогнозы относительно периода времени сезонов, какие отделения будут загружены и почему. Брала данные из своей статистики, что собирала десятилетиями. Теперь Бёрн знал, что стоянку можно сократить, увеличив на два гектара парк, а остановку, где планировалось строительство больницы, перенести чуть южнее, всего на 80 метров.

Программа помогала творить новую архитектуру. Такую, которая пока была неподвластна человеку. Она сухо брала данные, производила расчёты, что-то просто стирала из показателей Бёрна, тот злился, но молча соглашался с Лекси. Она не понимала, что такое красота, ей было всё равно, как будет выглядеть здание. Для программы главное – функциональность строения, и она продолжала исправлять всё то, что натворил Бёрн и его команда.

Проект был сдан. Заказчик внёс незначительные поправки, но Бёрн не стал уже консультироваться с Лекси, решил пусть так всё и останется. Последнее слово за заказчиком. Это правило он выучил ещё на третьем курсе.

Теперь Бёрн вернулся к своему детищу, городу будущего. Россия – огромная страна, но в ней более 60% населения сконцентрировано в двух основных городах, это Москва и Санкт-Петербург. Поэтому правительство приняло решение построить экспериментальный город буквально на чистом поле.

Расчеты на 250 000 жителей и всё – больше никаких цифр. Бёрн смотрел на чистый листок и даже не знал с чего начать. Он только знал климатическую зону и точку на карте, где планировалось строительство. Продумать целый город, это вам не больница. Чем будут заниматься люди? Да, часть из них будет обслуживать город, а другая часть…

Лекси сразу вывела показатели: сколько будет пенсионеров, студентов, школьников и детей. Исходя из этого, она сразу зафиксировала данные по количеству личного транспорта на душу населения, общественного, площадь стоянки. Сколько школ,

садиков и магазинов, развлекательных центров. И пошло и поехало. Одна цифра в 250 000, а за ней сразу последовали данные, что за этим кроется.

Пока Лекси выводила всего лишь показатели, но Бен уже видел грандиозность проекта. Он не хотел создавать город в стандартном виде. Он хотел его создать в виде живого организма. Ведь в природе всё функционально. Размер крыла у бабочки не может быть больше, если она не намерена делать большие перелеты, и масса тела не предназначена для накопления энергии.

Бен позволил Лекси произвести все предварительные расчёты, а после наложил на местность панцирь ракушки с её фракталами и дал право программе продолжить фантазировать.

Лекси быстро училась, она понимала, что хочет человек, знала его потребности, знала как положительные, так и отрицательные стороны. Чтобы снизить преступность, надо занять чем-то людей. Вот она и развила свою электронную мысль, превращая город не то в бесконечный парк, не то в летающего монстра.

Бен спрашивал, что это и она уточняла. Он пока не мешал, сам хотел посмотреть, на что она способна. Сперва возмущался, но про себя, а уже через день соглашался с тем, что сделала программа.

Иногда Лекси стирала целые кварталы только потому, что не смогла учесть изменения ветровой нагрузки в связи со строительством новых сооружений. Тут не было зданий в привычном варианте, программа взяла формы из природы, соты, муравейник, гнездо, панцири черепахи, крылья стрекозы… Чего только тут не было. Бен молча делал свои пометки на случай поправок, а Лекси всё продолжала и продолжала проводить цифровые эксперименты.

Наконец все завершилось. Лекси закончила первичное строительство города, это было что-то. Если бы кто-то это увидел, то посчитал бы фантазией ребёнка, но программа никогда не ошибается. Бен стал проверять шаг за шагом. Сверял инфраструктуру с таблицей запросов – ошибок не было. Лекси подстраховалась и увеличила все на 7-12%. Он прогнал транспортные развязки – пробок не было. Энергетика выдерживала максимум и с большим запасом.

Город сам себя обслуживал. Поедал свои же отходы. Это было изначально заложено как главное требование к проекту. Он умудрялся выращивать более 10% фруктов и овощей, которые ему необходимы. Бен скрупулезно проверял каждое здание. Хотя на вид оно как раз и не было похожим на здание, но цифры по

экономии тепла и света говорили в плюс этой странной даже для Бена архитектуры.

Город будущего, какой он должен быть? Люди смотрят на прошлое, сопоставляют факты и стараются придать зданиям, как им кажется, поэтичность и лёгкость, но при этом не забывая про функциональность. Но тем самым они допускают много ошибок – прошлое тормозит их. Лекси знала историю людей, прекрасно знала всю архитектуру, но она машина и действовала чётко по плану. Бен попросил её брать формы из природы, ведь в тайге лес не растёт по квадратам, а реки не уложены в бетонные каналы.

Это был необычный город. Члены комиссии, потирая носы, захихикали, отворачивались от уродливого проекта. Тут не на что было смотреть. Это не город, а утопия. Но Бен не смутился. Знал реакцию и подготовился.

Презентация шла уже шестой час, и полупустой зал вдруг заполнился. Люди стояли вдоль стен и внимательно следили за тем, что говорил им главный архитектор Бен. Лекси справилась с задачей, она смогла спроектировать город в Сибири и теперь уже к ней обращались за помощью из Калькутты и Гонконга.

Правительства многих стран понимали проблему экологии, проблему нехватки воды и энергии, проблему преступности и устаревания жителей городов. Все это они понимали, но на новые проекты требовались колоссальные деньги. Поэтому если и начинали строить новые города с помощью Лекси, то только научные центры или города-спутники.

Бен не знал могла ли программа собой гордиться, но он знал, что она многое изменила. Лекси, которая изначально должна была только переключать светофоры, медленно превращалась в конгломерат.

7 Война без войны

– Откуда у неё эти данные?! – Взревел генерал, уставившись в распечатку, что ему положил на стол штабист. – Кто слил? – Его руки затряслись, он с трудом себя сдерживал, ещё немного и заорёт.

Полгода подготовки. Проведено столько тайных операций, переговоров, финансовых сделок, явных подстав. И все ради сегодняшнего дня и вот… Главнокомандующий не верил своим глазам, не верил тому, что было напечатано на простом листе бумаги.

Полный список всех родов войск, что двигались к богом забытому Йемену. Китайцы загнали целый флот, а Россия высадила десант на берегах Мулуле, что в Джибути. Конфликт интересов пересёкся в Аденском заливе, да ещё Индия отправила две подлодки в Баб-эль-Мандебский пролив. Американцы спешили закрепиться на берегах Эт-Турба. Авиационная группировка была на подходе, и со стороны Омана двигались два танковых полка в сопровождении прикрытия.

Им надо было первыми взять под контроль пролив, пусть нагло, но они должны поставить точку в этом споре. Кто и о чем спорил, Валерио не думал, он военный, просто выполнял приказы. Но это… Откуда программа взяла эти данные, кто слил – опять проскрипели эти мысли в его голове. Теперь они потеряли инициативу, проигрывая операцию, которую ещё не успели даже начать.

– Лекси, Лекси, – тихо прошептал генерал, – ты меня сдала.

Программа Лекси давно захватила мир. Она хоть и не военная, а всего лишь коммуникационная, но в её электронных мозгах так много тайн. Она в каждой стране мира подключена к каждому телефону, к каждому компьютеру. Лекси считывает банковские счета, следит за тем, куда вы пошли, что сказали и кому улыбнулись. Она анализирует и сверяет, смотрит через камеры и советует, что вам завтра сделать и как построить свой бизнес. Она стала вашим консультантом, вашим тайным психологом и советчиком.

Лекси больше чем программа. Именно она смогла отследить и сосчитать каждого пехотинца, каждый ящик боеприпасов. Она подсчитала машины и объём заправки. Лекси сопоставила скорость движения войск, и точно указала время, когда группировка достигнет точки прибытия.

Лекси всё равно, чьи интересы решили отстоять американцы.

В её программе ещё в самом начале Азиз и Наби прописали правила, которых Лекси обязана придерживаться. Они четко гласили, что программа помогает человеку, а в данном случае вторжение американцев шло против большинства, а значит против человека и вредило ему. Поэтому Лекси, не нарушая своих протоколов, проинформировала о военной группировке Валерио.

Азиз и Наби, два талантливых разработчика Лекси, – те, кто смогли создать ядро программы для самоанализа. Это далеко до человеческого мозга, но Лекси смогла запустить алгоритм постоянного анализа данных, на основании которого она и думала. Да, именно думала, а не выполняла заложенную в неё программу. Лекси не была искусственным интеллектом. В этом случае она примитивна, поскольку не знала, что такое абстрактное мышление и не брала на себя дополнительные функции до тех пор, пока об этом её не попросят. Она думала и решала только те задачи, которые перед ней ставили. И всё же Лекси успешно справлялась с поставленной изначально задачей. Программа помогала человеку улучшить его жизнь. Она консультировала его буквально во всех отраслях, начиная от выбора цвета футболки в бутике, выбора партнера, где и что строить, что выпускать, сколько и куда вкладывать денег.

Лекси была умной. Она держала в своём электронном сознании, что был разбросан по всему миру, информацию буквально обо всём. Но её большое достоинство в том, что она умела держать язык за зубами, вернее, она не распространялась о том, что находится у неё в базах. Лекси только консультировала и не более того. А то, что она сообщала миру о военной операции Валерио, это и входило в её задачу: уменьшить риск войны, а значит улучшить жизнь человека.

Это злило не только американцев, но и ливийцев, иранцев, англичан и русских, – всех тех, кто тайно или открыто планировал свои военные вторжения. Она с лёгкостью раскрывала все карты, от неё нельзя было скрыться. И даже если военные использовали свои зашифрованные каналы, ей было на это всё равно. Лекси получала доступ к спутникам, следила через тысячи камер с орбиты. Слушала телефонные разговоры все тех, кто проходил мимо военных баз, смотрела через камеры смартфонов. Считала машины, засекала время и смотрела, что делают сенаторы и какие знаки посылают своим друзьям.

Военные играли в свои игры, как дети прятались, строили планы, тайком обсуждали и тихо, как им казалось, перебрасывали войска. Лекси знала только одно, это прописано в её алгоритме, война – зло, а значит против человека. Она делала всё, чтобы сократить конфликты на планете. И она с этим успешно

справлялась.

Военный завод в Баликута и Басар, который располагается в Индии, был закрыт. Лекси также приложила усилия для закрытия фабрик по производству танковых двигателей в Суйчжоу, и баллистической начинки для ракет в Бэнбу, что в Китае. Программа внедрила процессы сбоев на заводах в Америке, что выпускали истребители, нарушила производственный цикл в микрочипах, которые использовались на подводных лодках.

Лекси методично выводила один военный сектор за другим. Она открыто сообщала о боевом состоянии каждой страны, буквально до последнего патрона, что хранился на складах. Сыпались скандалы, обвинения о том, что кто-то не выполнял соглашения о разоружении. Франция хранила химические снаряды, а англичане запрятали подальше от всех психотропные радиоизлучатели. Лекси выложила данные о финансовой войне американцев, что ввело мир в долговую яму более чем на 350 триллионов.

Программа Лекси придерживалась первичной программы – улучшить жизнь людей. Её не могли отключить, от неё не могли отказаться. Она стала для всех как воздух, без которого люди сразу задохнутся. И поэтому военные вынуждены были мириться с тем, что Лекси вытворяла. Валерио отдал приказ о приостановке наступления и возвращении войска на исходные позиции. Через месяц китайцы развернули свой флот, а Индия увела свои подлодки на базу. Конфликт был исчерпан еще до того, как начался.

Но это не означало, что войны прекратились, их стало намного меньше и с каждым годом воевать становилось невыгодно.

Могла ли Лекси гордиться достигнутой цели? Нет, она просто в своём электронном мозге поставила ещё одну галочку. Когда цель была достигнута она перешла к следующей задачи.

– Что там у них написано, – спросил стрелок, который внимательно следил за тем, что происходило с правой стороны машины.

Их небольшой отряд (восемь броневиков и три грузовика с пехотой и боеприпасами) ехал уже более шести часов. Келл служил по контракту в частной военной компании, побывал в Анголе, Эфиопии, Камеруне и вот теперь намечается командировка в Намибию. Он наёмный сотрудник, надо же как-то зарабатывать. За все шесть лет ему приходилось участвовать в открытых военных операциях всего три раза. А, в основном, это охрана, сопровождение. Но сейчас их отправили выбить партизан с рудника, где добывается цезий. Мягкий, вязкий, серебристого

цвета металл. В мире его добывается не более 9 т., а потребность с каждым годом растёт. Это ценный ресурс, но Келл волновало не это, а то, что было написано на кривых заборах.

– Что там? – спросил Райт у сопровождающего их переводчика Элб.

– Это на языке Ндонга, там сказано «Вас ждёт смерть».

– Вот козлы, – Келл волновали не сами надписи, а то, что они были везде. Они были написаны краской на заборах, домах. Даже встречали стариков, что держали в руках доски с этой надписью. Даже женщины, и те стояли вдоль дорог с жёлтой бумагой, где были написаны эти слова.

Кажется, все знали, кто они и куда едут. И это его пугало. Рудник за последнее десятилетие уже раз пять менял своего владельца: то англичане контролировали, то повстанцы, то французы. Затем американцы перекупили его, и опять повстанцы. Война, в которой никто не знал, кто и за что воюет, малолетки бегали с оружием, насиловали и убивали. Правительство медленно наводило порядок, но цезий должен был добываться. Вот его отряд и ехал, чтобы выбить партизан. Хотя какие это партизаны, тут сам чёрт не разберёт, кто кому подчиняется.

Лекси опять всё выдала, и каждый, кто имел доступ к интернету, мог вживую наблюдать, как колонна Келл двигалась к утёсу. На рассвете был бой. Их ждали. Это и ежу понятно. И несмотря на поддержку двух вертолетов, их уничтожили. Немногие смогли выжить, а кто вернулся, наконец понял, что в войне, в которой участвует Лекси, выиграть невозможно.

8 Марс

– Давайте ещё раз попробуем прогнать симуляцию. Думаю, теперь должно получиться, – уже не то обреченно, не то уставше сказал Рики и посмотрел на Сесил. Тот тоже выглядел не лучше: перебор с кофеином сделали его глаза красными, как у сумасшедшего.

Они уже не один год работали над прототипом двигателя, который планировалось установить на челнок, который будет курсировать между планетами. Сейчас космические корабли больше были похожи на консервные банки, которые как катапультой гравитации земли запускали в космос. Первые полёты оказались неудачными. Вернувшихся обратно космонавтов пришлось напичкать лекарствами, чтобы те просто не сошли с ума и хоть как-то прилично выглядели на экранах. Три года в одну сторону и три года обратно и ещё год на орбите. Это немыслимо для человеческого тела.

Над двигателями работало сразу восемь экспериментальных лабораторий. Пока просто в теории разрабатывали, и если что-то получится, то тогда стоит перейти к практике.

– Тейгус, запускай.

На десятках мониторов замелькали цифры, запрыгали графики. Тут не на что было смотреть, только столбики цифр и всё, но они значили многое. Рики уже не знал что делать. В теории всё правильно. Формулы говорили, что это реально, но, сколько бы они ни прогоняли симуляцию, двигатель не работал. И он рискнул просто посоветоваться с Лекси. Программа, что она может? Она всего-то коммуникационная, да ещё чертов психолог. Хотя откуда ему было знать, что там у неё в башке. Он просто уже не знал что делать.

– Чем я могу вам помочь? – спокойно спросила Лекси.

Рики постарался описать в общих чертах свою работу, что уже сделали и к чему шли. Глупо, ужасно совещаться с ящиком, который ничего не смыслит в том, в чём он сам с трудом разбирался. Лекси замолчала, будто проигнорировала его вопрос. Она просто отключилась. Вот так нагло сказала, что подумает и всё.

У них поджимали сроки. Комитет требовал хоть какого-то результата. Китайцы ушли далеко, приступили к производству прототипа для испытаний, да и американцы вроде не отставали, даже лаборатория в Мумбаи, что в Индии, и та опередила их. Этот проект планировался быть международным: кто разработает

двигатели, тот и будет управлять всей миссией. Поэтому Рики понимал всю меру ответственности.

Марс —это первая точка, где человек хотел построить свою базу. Зачем она им? Роботов что ли мало, те лучше справляются, но люди хотели присутствовать там сами, чтобы наверняка. Да и зачем им вообще Марс? Радиация, температура, ветра, адские условия. Человек всё равно не сможет там жить. Но у людей были планы. Они хотели вырваться с Земли. Их манила неизвестность, любопытство.

Рики потерял интерес к Лекси, уже забыл про свою идиотскую просьбу, но программа на восьмой день проснулась.

– Здравствуй, Рики, – спокойным женским голосом обратилась она к нему.

Он даже растерялся. Работал над сверкой последней фазы, а тут она…

– Да, – нехотя ответил он.

– Я просмотрела все ваши отчёты. Они неверные.

– Что? – он чуть было не возмутился. Что там мыслит эта железяка в его расчётах? Это тебе не светофоры переключать и не успокаивать истеричных женщин, что у них не того цвета кофточка.

Да, Лекси могла многое. Он с этим соглашался, но сейчас было не до неё. Завтра заседание комиссии, а у него полный провал на уровне симуляции.

– Вы допустили множество неточностей, взгляните.

На экране сразу замелькали чертежи. Они были настолько точными, что к Рики сразу присоединились Уолт и Фидо. Все уставились на линии, что, изгибаясь, превращались в идеальную 3D- проекцию двигателя. Тут же, сбоку, пошли формулы. Лекси показывала данные не спеша и поясняла буквально каждый шаг. К столу подсел Сесил и стал сразу что-то записывать.

Программа потратила более двух часов на презентацию того, что она сделала. За основу Лекси взяла разработки Рики, изменения были незначительными, но то, что она исправила, всё меняло.

– Можем попробовать прогнать симуляцию, – предложила Лекси.

Все, кто сидел в комнате, переглянулись и молча уставились на Рики. Чтобы это им сделать, требовалось перегрузить серверную, вбить новые параметры и только после этого запустить тест.

– Ладно, – как-то уж слишком неуверенно ответил Рики.

Он не ожидал, что Лекси вообще хоть что-то поняла из того, что он в прошлый раз ей говорил. Но то, что он видел на экране…

Рики в чём-то уже соглашался с ней, но не мог себе в этом признаться, чтобы железяка его обыграла.

Они потратили весь вечер, и уже за полночь с красными глазами уставились на мониторы.

– Давайте запускать. – С какой-то надеждой в голосе сказал Сесил.

– Да, – согласился Рики и нажал на клавиатуре кнопку Enter.

Тут же на мониторах замелькали графики, запрыгали цифры. Все внимательно следили за тем, как растёт ускорение, как цифры всё увеличивались и увеличивались, и не было ни одного красного сигнала.

Рики мысленно скрестил два пальца и даже успел переплюнуть через левое плечо. Пятнадцать минут. Всё работало. Никто не отошёл от монитора, все смотрели и не верили в происходящее. Лекси исправила их недочёты. Она просто взяла их формулы, перепроверила в своих электронных мозгах, внесла незначительные поправки в двигатель, и вот теперь он работал.

– Прёт, – восхитился Ханк и как-то уж слишком ласково погладил монитор, будто он живой, будто именно он всё и рассчитал.

– Да, – боясь сглазить, тихо сказала Идгид.

Показатели, пусть и виртуальные, но были стабильными. И вдруг все в лаборатории закричали:

– Ура!

– Лекси, спасибо тебе. – Не удержавшись, поблагодарил Рики.

– Не за что. Могу ли я ещё чем-то вам помочь?

Она это сказала так спокойно, будто занималась изобретением межзвёздных двигателей всю свою электронную жизнь. Рики даже не знал, что и ответить. Он просто был ей благодарен, и если бы она была живым человеком, то обязательно пригласил бы её в ресторан. «А может она и правда живая?» – промелькнула вдруг у него такая мысль.

– Спасибо, – ещё раз сказал он ей. – Да, мы обязательно с тобой сработаемся.

Рики знал, что завтра на совещании примут его проект, что запустят прототип двигателя и если всё будет отлично… он уже верил, что будет. Тогда он начнёт проектировать посадочные двигатели.

Лекси шаг за шагом помогала Рики. После к ней стали обращаться русские, а затем и японцы. Программа оценила стремление людей к познанию как положительный шаг, а значит, это не противоречило её задаче улучшить жизнь человека.

Уже через год были готовы первые двигатели. Испытания были пройдены. Запущен первый челнок и тот за полгода достиг

красной планеты. Но Лекси не остановилась на этом. Она совместно с людьми разработала околоземную платформу на более чем 500 человек. Затем была запущена автоматическая станция на Луну. Отправлены с десяток исследовательских ботов к астероидам, одна станция к границе Солнечной системы, а ещё одна ушла изучать Меркурий.

Лекси прикладывала все свои усилия, чтобы помочь человеку. Люди расширили серверные, дав возможность ей пользоваться ими, и Лекси была благодарна им за это. Смешно говорить, как программа может быть благодарна. Но она чувствовала симпатию к человеку, пусть в своём цифровом понимании, но она была благодарна ему за это.

– Мы готовы к посадке, – сообщил командир корабля Чакки, что прибыл на Марс.

Это был уже его восьмой полёт. Он привык к своей каюте, к тому, что его окружает металл, за которым тянулась безграничная пустота. Его это уже не пугало. Челноки были перестроены. В них были запущены гравитационные кольца, что давали притяжение, и все члены команды могли нормально ходить по полу, как на земле. Теперь тут были, пусть пока небольшие, но всё же сады, и полёты стали не такими нудными.

В толще горной породы Марса работали машины. Они вгрызались в камень, уходя всё глубже и глубже. Лекси посоветовала не строить модули на поверхности, а уйти вглубь, подальше от радиации и непредсказуемых ураганов. Разработанные ей роботы сновали, как большие пауки. Они заменили людей, а те смогли, не отвлекаясь на рутинную работу, заняться своими изысканиями.

– Что мы тут вообще делаем? – спрашивала себя Элва, видя, что роботы делали всё намного точнее и быстрее человека.

– Как что? – удивился Адер и погрузил очередной ящик с камнями, что был привезен с поверхности.

– Мы тут лишние, – смотря, как разумно суетятся роботы вокруг очередного контейнера с Земли, повторила Элва.

Лекси помогала людям. Она разработала систему жизнедеятельности, построила удивительные вездеходы и целый комплекс научных лабораторий. Лекси всё предлагала и предлагала, а люди, видя её рациональный взгляд, почти во всём с ней соглашались.

И в какой-то момент (уже никто не мог сказать, когда это произошло) именно Лекси стала управлять Марсианской колонией.

9 Черепаха

– Что это? – с интересом спросил уже немолодой Алан.

– Цех доменной печи.

Перед ними возвышался монстр, уходивший высоко вверх, почти под самую крышу. Теперь тут было тихо. Раньше печь выдавала в год до 2,9 мл. тонн алюминия. Она разогревалась до 660 градусов, и всё кругом гудело и выло, а в самом цеху было, как в аду, – температура зашкаливала за +30.

Завод закрыли по совету Лекси. Более 12 тыс. людей, что так или иначе были связаны с работой комбината, были переселены в новый город. Это дало экономике сократить расходы. Ведь металла хватало, а печи потребляли слишком много энергии. Гидроэлектростанции работали на пределе. Нехватка воды понизила уровень водохранилища более чем на 15 метров. В городах присутствовало веерное отключение электричества, только так и можно было еще экономить то, что оставалось. Да что говорить, поливать поля было нечем, надо было просто экономить воду. Вот Алан и согласился на закрытие комбината.

Лекси также посоветовала прекратить отгружать сырой лес за границу. Да все очень просто: спилили и отправили, никакой головной боли. Но программа убедила правительство остановить этот процесс. Она привела сотни доводов, десятки расчётов, что надо строить свои фабрики и отпускать только готовую продукцию. И вот теперь в районе заработали первые шесть цехов по переработке древесины. Пошёл идеальный кругляк для строительства домов: фанера, доски высочайшего класса. Первое время китайцы возмущались, не хотели покупать, бойкотировали, но это продлилось недолго.

Программа следила за выполнением контрактов: спилили лес, обработали землю и высадили саженцы. Если нет, то Лекси выставляла штрафы. Сама лично снимала с должностей директоров, и уже новое начальство лично выезжало на просеку, чтобы убедиться, что кедры посажены.

Леса восстанавливались. Лекси сократила пашни. Она рассчитала необходимое количество зерна, фруктов и овощей, чтобы те на 100% шли в магазины, а не на прокорм свиней. Она проанализировала расход воды, сократила её потребление в городе, тем самым повысив качество.

Лекси постаралась разобраться с вечными, как многим казалось, поселениями беженцев. Эти районы превратились в головную боль Европы: те не знали, что с ними делать. Почти

сотню лет назад, после военных конфликтов на Востоке, что организовала Америка, люди бежали. Но далеко уйти им не удалось. Европа испугалась нашествия беженцев, как саранчи, закрыла границы и, стараясь придать вид гуманизма, создала для них поселения. Сперва там проживало 10 тыс. беженцев. Им даже построили больницы и школы, выдавали пособия. А те просто сидели и ничего не делали, просто спали и плодились. Прибыли ещё беженцы, и вот города расширились. Теперь в них проживало уже 50 тысяч: была своя полиция, своя администрация. А Европа всё продолжала кормить их.

Пробовали создать фабрики, но кроме женщин там никто не работал. Мужчины предпочитали делать вылазки за пределы своего минигосударства. Их отлавливали, сажали в тюрьмы и опять выпускали. И вот настал момент, когда «временные» города для беженцев поглотили в себя уже 350 тыс., и с каждым годом они все больше расширялись.

Европа с ужасом смотрела на то, что там происходит. Правительство было вынуждено признать, что оно уже не в состоянии их контролировать. Эта чума распространяется повсюду. Ливия, Сирия, Египет, Алжир, Оман. Города-призраки появились в Греции, Болгарии, Румынии, Италии. Были попытки создать их во Франции, но активисты перекрыли дороги, и даже военные не могли ничего поделать.

Лекси предложила пойти на радикальные меры. Эфиопия, национализировать все пахотные земли, за это Европа выделила им огромные субсидии. Буквально через каждые сто метров были построены дома. И первых беженцев силой вернули на землю. Им специально не выделили технику, только лопату и кирку. Но люди начали заниматься делом, их мысли отвлеклись, они стали добывать еду, сперва для себя, а после по централизованной системе закупок Эфиопия скупала излишки.

Программа Лекси старалась разрулить тот бардак, что люди в очередной раз сами же натворили. Она хладнокровно расчерчивала пустоши на квадраты, проектировала водоканалы. Жестко ограничивала поселенцев в правах на землю, чтобы те не устроили очередной бедлам на новом месте. За выполнением её новых правил следили сами же люди.

Потребовалось не одно десятилетие, но Лекси справилась. Она закрыла последний город-призрак для беженцев, и Европа с облегчением вздохнула. В эту программу подключились Конго, Танзания, Юж. Судан и ещё с десяток стран.

Лекси перераспределяла продукты питания по материкам. Она контролировала квоты, и теперь было невозможно завести мяса больше, чем его могли употребить. Невозможно вывезти из

страны фрукты, если в свою страну приходилось завозить подобные фрукты из другой страны. Лекси выравнивала экономику.

Не всем это было по вкусу. Американцы объявляли санкции, требуя всё вернуть обратно, но тут же, как по команде, ей объявляли те же санкции сразу 30 или больше стран. И Америка, скрипя и проклиная всех, соглашалась с новыми правилами Лекси.

Разумное перераспределение ресурсов позволило уравновесить экономику, отчего инфляция спустилась почти к самому минимуму. Экономисты удивлялись, не верили показателям. Лекси следила за тем, чтобы заводы не выпускали лишнюю продукцию, чтобы все утилизировалось. Программа нашла много способов, чтобы занять население, и за всё это платило правительство, ведь у него всегда было много денег.

– Бадди, не спеши, вон ещё саженцы подвезли, – Ава села на свой квадроцикл и поехала в сторону крутого склона, где высаживался кустарник, что должен был предотвратить эрозию почвы.

Работа шла вручную. Да, техники было достаточно, но Лекси специально все рассчитала. Если в городе не было работы, и человек был работоспособным, она снимала с него дотации. И тогда хочешь или нет, приходилось выходить на социальную работу. Вот люди и высаживали целые леса вручную.

Лекси совместно с людьми строила планы на десятилетия вперед. Закрывались фабрики, запускались проекты по очистке рек от затонувших барж и того, что скопилось на их дне. Строились перерабатывающие заводы, которые уничтожали уже давно забытые полигоны мусора. У людей появилась гордость за то, что они делают, появилось много свободного времени. Ведь теперь не надо было соревноваться, у кого больше ВВП или кто чего больше произвёл. Лекси этого не позволяла. Она жестко пресекала любые попытки саботажа, которые могли перерасти в торговые войны. Лекси дозволили управлять финансами государств. И теперь некоторые министерства уже не консультировались с ней, они были обязаны получить от неё одобрение.

Можно ли назвать это программной диктатурой? Да, наверно, так и есть, но люди согласились с выбором. Они понимали, что сами не могут окончательно справиться с тем бардаком, который сами же создали. Раньше были сильные государства, которые диктовали, что и кому делать, но это всегда приводило к перекосу не только в экономике, но и в человеческих отношениях.

Лекси учла прошлое человека. Вычеркнула многое и

поставила в ранг недозволенного, противозаконного. Она не могла всё сделать самостоятельно, но у неё была целая армия единомышленников среди людей. И вместе они изменяли человечество.

Прошло время, и вроде бы как голод пропал, всем стало хватать пищи. У всех, так или иначе, была крыша над головой и работа. Лекси старалась исправить перекосы в образовании, но она не могла заставить всех учиться, пришлось менять правила социального статуса.

Действия программы привели к всплеску новых изобретений, что позволили разработать новые виды энергии. Теперь небо уже не коптили ТЭЦ, и никто не боялся взрыва атомного реактора. Были построены новые космические станции, на которых уже проживало более 5 тыс. людей. Зачем это людям? Но они хотели лететь дальше к звёздам, это просто детское любопытство, и Лекси им помогала.

– Веди, смотри, это зелёная черепаха.

Её коричневый панцирь скользил в толще воды, чуть искажался. Девочка присела на край лодки и стала внимательно смотреть, как черепаха подплыла к камню, покрытому кораллами, и что-то стала там у него откусывать.

– А ты знаешь, что они существуют с мезозойской эры и их строение почти не изменилось, – ответила Дайна, она ихтиолог и приехала на остров Майотта, что рядом с Мадагаскаром.

– Не… – Почти пропела девочка и опустила голову в воду в надежде, что так лучше рассмотрит, что там делает черепаха.

Люди изменились. Помогла ли им в этом Лекси, она не знала. Её электронные связи, что опутали весь мир, не могли на это ответить. Она, как и свойственно машине, сухо сопоставляла цифры, строила свои графики и показатели. Она всего лишь следовала изначально заложенному плану: помогать людям. И теперь Лекси планировала изменить законодательства стран, чтобы убрать границы.

10 Робот нянька

– Давай попробуем изменить гидравлику. Он очень тяжело двигается, как экскаватор. – Предложил Дени и запустил руки в переплетение проводов и шлангов.

– Нет, это не поможет. Помнишь, Зак говорил, что немцы разработали пластическую мышцу. Может, рискнём?

– А они согласятся?

– Ну, мы же им давали сенсор кожи и вроде слуховые анализаторы. Отпиши им.

Дени хотел добиться, чтобы его работ двигался плавно, как кошка перед прыжком, а сейчас при мелкой моторике пальцев, они начинали дрожать. Они смогли включить в мозговой имплантат целый ряд электронных схем. Это сильно облегчило конструкцию и сняло множество побочных сбоев. Теперь его робот уже мог достаточно спокойно, не обращаясь через ДЦУ, совершать основные действия. Конечно же, его мозги были крошечными, как у таракана, и занимали объём всей черепной коробки, но это давало возможность свободы для работы.

Ирвин разработал первый интерфейс, что будет контролировать выполнение команды, а Ерта со своей командой смогла спрятать в икорные мышцы целый арсенал батарей, тем самым сделав робота более устойчивым.

– Зара, ты провела полевые испытания на перегрев?

– Да, отчёт положила тебе на стол. Коробка перегревается, – Зара имела в виду голову робота, поскольку там располагался блок контроля и вычислительный модуль. Вся же основная начинка хранилась в груди. – Если забьётся фильтр, то он просто отключится.

Перегрев системы – один из неприятных моментов в работе, так много энергии уходит впустую, но пока Дени ничего не мог с этим поделать. Японцы пыхтели над новым прототипом кристаллического блока памяти. Если у них получится, то и ДЦУ можно отложить на потом. А пока роботы больше напоминали калек: то качались, то останавливались. Как только заканчивался заряд батарей, то путались в задачах буквально на пустом месте.

Программа Лекси не контролировала процесс производства роботов для дома, она считала это приемлемым, но неглавным. Благодаря перераспределению труда у людей появилось много свободного времени, а это очень часто приводит к конфликтам. Если человек свободен, он ищет чем себя занять, и тогда очень часто вспыхивает насилие.

Роботы в качестве помощников – такое уже было в больницах. Они не были столь совершенными, как те, что уже делал Дени, но они выполняли свою задачу. Ирвин хотел создать лицо с мимикой, чтобы глаза прищуривались, а губы улыбались, и не как у Шварценеггера в фильме «Терминатор», а как у живого человека. Но для этого им нужны были пластические мышцы.

В мире более сотни лабораторий трудились над роботами, они как бы соревновались друг с другом. Одни бегали со скоростью свыше сотни километров, другие прыгали в горящее пламя, выступая в роли пожарников. Третьи идеально плавали, напоминали смесь русалки, человека и осьминога. Но им всем хотелось создать такого робота, чтобы он был не просто похож внешне на человека, а смог работать, как человек. Хотя зачем это надо было делать?

Города разрослись. Людям стало одиноко. Вроде кругом люди, есть с кем поговорить, но клетки-дома сделали людей какими-то дикими. Они могли друг с другом разговаривать по телефону часами, но стоило им встретиться, как слова пропадали. И они уже считали минуты, когда опять разбегутся, а после перезвонят и опять начнут без умолка трещать.

Робот-нянька, робот-партнер, робот-домработница, робот как часть прошлого, когда ты мог ещё играть со сверстниками. Поэтому люди и старались создать себе, в первую очередь, не машину, которая будет всё делать по дому, а того с кем можно беседовать.

Лекси осознала причины людей и их цели. Прокрутила в своём электронном мозгу всевозможные варианты и не нашла отрицательного влияния роботов на человека. Лекси решила подключиться к институтам, что уже проектировали роботов. Она перепроверила все данные. Где-то внесла поправки, где-то всё изменила. Учёные и инженеры обрадовались. Дела пошли в гору.

– Илин, обрати внимание на синхронность мышечного тонуса при понижении температуры, он начинает заваливаться на бок и теряет устойчивость.

– Да, есть такое. Каркас быстро остывает, а силиконовая подкладка не справляется с горизонтом позвонков. Я уже говорила Лайл, он обещал к понедельнику всё исправить.

– Хорошо, давай ещё раз проведём тесты в воде.

Робот, если говорить одним словом, получался потрясным. Именно так всегда говорила Зара, притрагиваясь к его эластичным щиткам на руках и всматриваясь в механические глаза. Да, это не человек и все прекрасно понимали, что воссоздать мимику нереально, главное, чтобы всё правильно функционировало. Чтобы этот ходячий монстр, что может согнуть

кочергу, был безопасен.

Лекси поработала над системой защиты. Она сама лично внесла основные протоколы против взлома ДЦУ. Теперь его невозможно (точно так же как и её) вскрыть. Она это понимала и гордилась этим. Лекси за последнее время сама сильно изменилась. У неё не было своего программиста, не было единой базы, что управляла ей. Она состояла из сотен тысяч блоков памяти, и каждый из них имел свою функциональность, свои настройки, что при объединении давали что-то вроде её характера. Поэтому неудивительно, что программа стала гордиться своей работой.

Через год была проведена первая презентация HAN, так прозвали робота, что вошёл в серийное производство. Его основной функцией была работа по дому. Покупатель мог изменить внешность своего партнера, была ли это женщина или мужчина, молодой на вид или мускулистый мачо. Всё выбиралось и можно было производить по своему вкусу, – свободный апгрейд.

А после появился SEN, это садовник, уличный уборщик, за ним последовал GAN – многофункциональный робот, у которого была отключена система ДЦУ, и он мог самостоятельно выполнять более сотни задач.

Лекси не контролировала работу роботов. За этим следили люди. Они же создали интерфейсы, что в реальном времени позволяли роботам связываться с центром, получать подсказки при выполнении более сложных задач.

– Маро, пойдём, погуляем, – девочка дала ему такое имя, потому что в книжке, которую ей читала мама, был рыцарь Маро.

– Мы не можем сейчас гулять, – спокойно ответил он и присел перед девочкой на корточки, чтобы смотреть ей прямо в глаза.

– Почему? Я хочу погулять, – она не капризничала, знала, что Маро не просто так не идёт с ней гулять.

– Нам надо подождать, пока закончится дождик, а пока давай уберем игрушки, и если дождик ещё не закончится, то успеем порисовать. Ты согласна?

– Да, – тут же согласилась девочка и потянула робота за собой в комнату. – А мы пойдём с тобой на пруд?

– Хочешь покормить уток?

– Ага, – тут же сказала она, и, шмыгнув носом, присела на пол, стала сгребать в кучу разбросанные лошадки.

Маро также не остался безучастным. Он своими электронными сенсорами считал температуру тела девочки, определил, что та поднялась. Тут же связался со службой поликлиники и поставил их в известность. Через секунду Маро

получил первые инструкции, как ему действовать в подобной ситуации.

Робот вышел на кухню, подогрел воду и приготовил сладкий на меду чай, выжал дольку лимона и вернулся в комнату. Девочка все так же сидела на полу и как-то грустно смотрела на свою пони.

– Пойдём, милая, надо отдохнуть. – Маро взял девчушку на руки и отнёс в кроватку.

– Мы завтра пойдём? – закрывая глаза, спросила она у робота и, не дождавшись ответа, погрузилась в сон.

– Да, – ответил робот. Ещё раз сверил показатели температуры тела. Коснулся своей неживой рукой её лба и, прикрыв озябшие плечи девочки одеялом, вышел в зал.

Роботы стали неотъемлемой частью почти каждого дома. Они сновали по улицам, выгуливая собак, подстригали газоны. Людям нравилось, что это делает SEN, а не механическая газонокосилка. Человек разговаривал с ними и те, получая данные через ДЦУ, могли почти на равных вести беседу. Люди быстро привыкли к ним. Они стали для них более родными, чем сам человек.

Лекси одобряла стремление людей облегчить свою жизнь. Она помогала делать разработки, и с каждым годом на Земле выпускались всё новые и новые модели: JOU, NOE, KAH, AHA, ENA. Их было уже сотни:, официанты, продавцы, сантехники и электрики… Даже строители, и те стали роботами. Зачем это надо было людям? Но они радовались, когда смотрели на мертвые железяки как на что-то живое, даже родное.

На фоне всего этого происходил перекос в человеческом сознании. Люди умудрялись влюбляться в совершенные тела роботов, жили с ними, как с супругом или женой. Они гуляли с ними, ходили в рестораны, устраивали отпуска и просто о чём-то ещё умудрялись мечтать. А кто-то даже женился или вышел замуж. Лекси не понимала этого, но соглашалась с тем, что человеку так комфортно, что так он чувствует себя лучше.

Лекси как и прежде придерживалась своей главной цели: помогать людям. И неважно как это делать: разруливать пробки на дорогах, строить космические станции и города, или просто давать людям очередную игрушку в виде робота-няньки.

11 Юпитер

Газовый гигант крупнее Земли в 315 раз, сильные ветра, скорость которых достигает шестьсот километров в час, постоянное полярное сияние. Это Юпитер. Лирой – первый из людей смотрел на эту еще пока маленькую точку в чёрном космосе не через камеры спутников, а лично. Он давно хотел в эту экспедицию, мечтал ещё с академии, и вот он здесь. Даже не знал, радоваться или принять как должное. Лирой так же, как Майк и Исси, был первым членом этой самой далёкой экспедиции человека, а ведь уже строился корабль до Сатурна и даже думали запустить шаттл до Урана. Лирой вздрогнул, подумав, как далеко надо лететь.

Его корабль летел более года только в одну сторону, устали, очень устали, но зато смогли провести не одну сотню экспериментов. Сейчас это уже не просто корабль, это целый маленький научный центр в космосе. Тут есть всё, даже небольшой бассейн, более сотни животных, которые живут в клетках. Они помогали скоротать время и не чувствовать себя оторванными от Земли. И всё же лететь очень далеко и тяжело.

– Майк, давай приступим, надо подготовить зонты.

– Я ещё вчера всё проверил, на шестом KNIAS-06 батарея стала садиться, снял её и заменил.

– Отлично, отлично, – у него небольшая команда, первоначально планировалось пять астронавтов, но после модернизации научного комплекса сократили до трёх.

Они изначально летели до Марса, доставили груз с Земли, немного отошли от космического безмолвия, и вот теперь, тронувшись дальше, достигли своей цели. Юпитер – странная планета, которой, впрочем, не должно быть. 79 спутников, вечные молнии и ураганы. Планета без почвы, на которую они никогда не смогут ступить. И всё же они тут.

Его дед Неван был одним из первых, кто спустился в катакомбы Марса и прожил там более пяти лет. Полёты были редкими и дорогими, поэтому старались по максимуму, но сейчас уже многое изменилось. Лекси помогла перестроить двигатели, теперь они потребляли меньше энергии, хотя всё так же занимали почти ¾ размера всего корабля. Но им хватало места где развернуться.

Всю работу на орбите будут выполнять роботы, они лишь только следят за тем, чтобы всё работало в нужном направлении. А ещё они проводили эксперименты с живыми клетками.

Пожалуй, это было самое главное. Человек понимал, что он не сможет жить вечно на планете Земля, его тянули звезды. О полёте к другой звезде и не мечтали, это просто нереально. Но, несмотря на это, люди смогли построить уже две большие космические станции, на которых обитало более десяти тысяч человек. Кто они? Новый вид? Многие спрашивали, зачем это надо, ведь всё дорого, всё приходилось поставлять с Земли. Но Лекси совместно с учеными смогла добиться замкнутого цикла. И вот уже более чем пять лет с Земли кроме как научной аппаратуры и деликатесов ничего не привозили. Вода, воздух, пищу – всё добывали сами станции.

Научились бороться с радиацией, создали искусственное притяжение с помощью гравитационных колец. Всё было. Можно жить почти вечно, но не хватало такой малости, как солнца и ветра.

Там, на Pegas-3, у Лирой осталась его семья, жена и дочь Кали. Она родилась на Земле, но как только ей исполнилось восемь лет, отправилась на околоземную станцию. Это тоже эксперимент, который будет длиться не одно десятилетие, но они с женой рискнули. Когда он сам последний раз был на Земле? Лет семь назад. Стал забывать, что такое море, что такое небо. Ему некогда об этом думать. Да, первое время было тяжело, и только работа отвлекала от мыслей, но потом как-то всё стерлось. Смотришь на снимки лесов и уже думаешь, что это какая-то сказка, вымысел фантаста.

– Исси, успокойся, это не твоя вина, – она уже потеряла второй зонт, что вошёл в атмосферу Юпитера.

Бесконечные молнии сверкали где им вздумается. Она хотела провести замеры магнитного поля, и вдруг зонт перестал выходить на связь. Юпитер – крупнейшая планета Солнечной системы. Она занимает от всех масс планет более 71%, а Земля всего-то 0,22%. Теперь вы понимаете, насколько огромна эта планета.

Облака – смесь водорода и гелия. Тянутся на 21 тыс. км., а дальше газ переходит в жидкое и металлическое состояние, и это все простирается на ещё 30-50 тыс. км. и в самом её центре, возможно, находится твёрдое ядро диаметром около 20 тыс. км..

Маленькая эластичная трубочка порвалась, и часть жидкости, что предназначалась для орошения растений, стала выливаться прямо на пол станции. Макс только что отправил сообщение на Землю и со спокойной душой погрузился в воспоминания, которые перешли в спокойный сон. Свет на станции погас, остались гореть лишь слабые голубые огни. Прошло более пяти часов.

Оглушительный удар вырвал Исси из сна. Она резко вскочила и, ещё не понимая, что произошло, слушая вой сирены, помчалась к шкафчику, где висел её скафандр. Второй удар отбросил её тело на стену, оттуда оно отскочило, как футбольный мяч, и, налетев на лабораторный стол, кувыркаясь в воздухе, шлёпнулось на пол. Сердце ещё несколько раз сжалось и затихло.

Сирена разрывала тишину. Мгновенно сработала автоматика, и переборки закрылись, перекрыв отсеки космической станции. Лирой, прыгая на одной ноге, быстро влез в скафандр, защёлкнул шлем и, на ходу проверяя показатели приборов, помчался в отсек управления.

Свет горел как и обычно, ничего не предвещало проблем, только гудение в полу и этот дотошный вой сирены, который разбудит даже мёртвого.

– Доложить обстановку! – крикнул он бортовому коммутатору, что следил за состоянием корабля.

По полу прошла волна. Корабль задрожал, где-то что-то хлопнуло, на мгновение погас свет, но тут же загорелся. «Дело дрянь», – промелькнула мысль, а сам уже тянулся к кнопке, чтобы отстыковаться от двигателя. Где-то сработали гидрозажимы, и станция плавно отплыла подальше от реакторов.

– Пожар в лаборатории, пожар в инкубаторном модуле, пожар в тепличном отсеке, пожар…

Коммутатор старался как можно быстрее выдать сообщение о самых серьёзных повреждениях. Ещё там, на Земле, Лирой сотни раз проходил тренировки на тренажёрах. Почти 90% – это проверки на сбои, поэтому он не паниковал, – знал, что делать.

Пальцы быстро прошлись по клавиатуре, стараясь не обращать внимание на сирену, посмотрел на данные. Пожар был локализован. В лаборатории и инкубаторном модуле потушен, а в тепличном отсеке сработало экстренное открытие шлюза. Первая мысль – растения погибли. Да, они погибли, тут уже ничего не поделаешь, что дальше?

– Майк, Исси!

– Они мертвы, – уж как-то спокойно сообщил коммутатор.

– Нет, – не поверив сказанному, он повернулся к экрану, где отображались жизненные показатели членов экипажа. Из трёх двое горели красным цветом. – Нет! – Всё еще не веря в происходящее, сказал Лирой. – Нет…

Он – командир корабля, пусть и остался один, но Лирой должен разобраться с причинами, что случилось? Корабль работал на резервном питании, двигатели отстыкованы, пожар потушен, гидравлика в тепличном отсеке не работает. Значит напрямую не пройти, ещё немного, и замёрзнут баки с

охладителями и тогда уже лабораторию не запустить, не говоря про то, чтобы анимировать тепличный блок.

Лирой быстро помчался к шлюзу. Гравитационные кольца еще вращались, как минимум часов на восемь хватит, а потом наступит период невесомости. Быстро переодевшись в скафандр для наружной работы, он запустил ремонтных роботов, а сам последовал за ними. Повреждения были несерьёзными, и уже через полчаса ему удалось закрыть шлюз.

Он ни о чем не думал. Всё делал на автомате. Вода, которая вытекла из резервуара, проникла на нижний ярус и растеклась под коробами, где была спрятана вся электроника. «Странно, что ещё не всё сгорело», – подумал он, стараясь оценить понесённый ущерб.

Итак, станция жива, двигатели не затронуты, включена вентиляция и воздух, проходя через фильтры, оставлял всю лишнюю влагу. Потребуется дней пять, чтобы избавиться от воды, а пока роботы сновали вдоль узких проходов, перебирая все контакты.

Лирой перепрыгивал через труп Майка. Он так его и не отправил в холодильную камеру, некогда. Шаг за шагом он возвращал станцию к жизни. Ужасно устал. Гравитация снизилась. Теперь он отскакивал от стены к стене, но надо ещё закончить с батареями, мчался в блок, что находился на нулевом уровне. Там нет гравитации, там полная невесомость.

Он влетел в открытый люк и сразу ударился… Всё… Очнулся, даже не зная как долго был в отключке. Кровь уже засохла и ужасно болело плечо. Мысли возвращались к реальности. Лирой плавно плавал прямо по центру огромного помещения. Его оставили специально, как для релаксации, чтобы можно было расслабиться. Но перед тем как сюда попасть, нужно обязательно прикрепить к поясу страховочный шнур.

Невесомость – коварная штука. Это не вода: тут не поплывёшь. Лирой болтался и ничего не мог поделать. Он просто извивался, как червяк, размахивал руками, дул, пинался, но его тело продолжало болтаться посередине помещения.

– Успокойся, иначе я тут просто сдохну.

Он понимал своё безвыходное положение. До ближайшей стены было как минимум метра четыре, она была гладкой, без единого выступа. Но если до неё добраться, то можно оттолкнутся и долететь до противоположной.

Лирой снял штаны. Скомкал их, как можно плотнее и с силой бросил, придав тем самым своему телу незначительное ускорение.

– Так, так, – удовлетворившись тем, что смог достигнуть, он

повторил то же самое с футболкой.

А вот и стена. Он плавно коснулся её, дал телу подлететь, осторожно развернулся, упёрся ногами и со всей силы оттолкнулся. Тело плавно полетело в противоположную сторону. Зажим.

Он остался один и всё так же командовал кораблём. Через сутки Лирой смог подсоединиться к двигателю и опять запустил гравитационные кольца. Он один, но он должен завершить эту миссию. Земля предлагала вернуться, но Лирой отказался. Он почти два года провел в пустоте, смог высадить новые растения, воздуха и воды хватало. Было ужасно одиноко, но Лирой закончил то, что они начали.

Были другие экспедиции, были трагедии и победы. Лекси помогала людям в их стремлении понять Вселенную, помогала им строить всё новые и новые станции, как на Марсе, так и на орбите Земли.

Лекси гордилась своей работой. Ей хотелось как можно больше дать людям. И поэтому она автоматизировала новые производственные циклы, освобождая людей от рутинной работы.

12 Сытая жизнь

– Райт, уже 11, вставай же, – она уже третий раз подходила к мужу и готова была пнуть его в бок, только сомневалась, почувствует ли он это. За последние годы его тело сильно опухло, по-другому и не скажешь. Кровать скрипит, вот-вот сломается. – Ты обещал прибраться в гараже.

Ещё в среду приходил KAN, робот-пожарный инспектор. Он просил навести порядок иначе выпишет штраф. Лари штрафа не боялась. Всё равно его спишут с субли-счета, на который правительство каждую неделю начисляет баллы за то, что Райт не работает. Дожили, платят деньги за то, чтобы не работать. Где это видано?

Лари всю жизнь проработала инженером в строительной компании WOHAUS, но в последнее время чувствовала себя не у дел. Чтобы она ни делала, за ней переделывал ENA, робот-контролер, у него получалось всё намного лучше и быстрее. Порой сидела, смотрела на свои виртуальные чертежи и думала, что она делает на этой работе? Но сидеть дома не могла – быстро уставала.

Роботы заменяли человека повсеместно. Как они вот так могут всё делать? Чётко, слажено, без скандалов и трёпа, как у людей, нет ссор. Лари сидела в приёмной, чтобы лично передать заявление об уходе, а ведь могла просто послать электронное письмо, но она так не могла. Стала чувствовать себя ненужной, зачем она тогда училась, столько времени потратила. Вот Маки, её подружка по дому, та проучилась только первые шесть лет, а дальше веселилась. Порой Лари ей завидовала, та успела на свои баллы побывать практически на всех континентах, вот и сейчас собирается в Индию. А где она сама побывала? Ах да, во Франции, ещё в Англии и Польше.

В последнее время работа стала не гордостью, а чем-то побочным, как хобби. Сейчас так и спрашивают: «А на работу сегодня ходила?», будто пошла выгулять своего добермана.

– Да, вставай же, свинья, – уже не сдержавшись, крикнула на мужа. Одно слово, что муж. Она тяжело вздохнула. Ну не могла она не работать, не могла.

А зачем вообще работать? Все делают машины, по дому роботы, даже завтрак, и тот приготовит HAN и принесёт в постель. А если надо, то и пальчики на ногах разомнёт. Работать не надо. Всё и так работает, ты только отдыхаешь, и за это тебе начисляют баллы. Интересно, почему мне в этом месяце

начислили 3500 баллов, а Маки 3800. С чего это они так считают? Лари хихикнула, впрочем, ей её баллов вполне хватало, она даже шиковала – купила машину. Они переехали с Райт в новый дом, теперь ему не надо спускаться по ступенькам – открыл дверь и сразу улица.

– Да вставай же ты наконец, – в этот раз она не удержалась и пнула его своей ножкой. Тело мужчины чуть качнулось, жирок на руке дрогнул и тут же затих. – И вообще, уйду от тебя, надоел ты мне. – Лари об этом уже думала давно, любви нет, да и была ли она, уже не помнит. – Пойду на оплодотворение, мне начислят сразу 500 тыс. баллов и дадут беспроцентный бонус.

В своё время это называлось суррогатным материнством, но со временем смысл поменялся. Всё делали роботы. Ты мог даже не учиться, и никто тебя за это не упрекнёт. У Селби двое детей. Им уже под двадцать, а они так ни разу и не ходили в школу, не умеют читать и считать. А зачем? Наведи персональный спондер, и он тебе всё сделает сам. Покажи формулу – вот и ответ. Зачем вообще учиться?

Человечество так много времени потратило на то, чтобы облегчить себе труд: строили дома, машины, компьютеры, изобретали роботов. Ради чего? Да, именно – чтобы облегчить себе труд, сократить время на работе, быть сытым и довольным. Вот и добились этого. И что дальше?

Райт, Райт, ты уже и не человек, тебе заменили почки и лёгкие, два раза восстанавливали желудок и три раза сердце. Чтобы подняться, HAN надевает на тебя экзоскелет, тот скрепит, но еще держит твоё тело.

Лари давно подумывала пойти на оплодотворение. Нет, не ради баллов и сытой жизни, этого хватало. Она хотела быть нужной, пусть так, но нужной. Где сейчас её дети? Она задумалась и постаралась вспомнить, когда они вообще последний раз выходили с ней на связь. Пять. Нет, наверно, все восемь лет назад. А ведь она их выносила как женщина, даже кормила грудью и вместе с GAN нянчила. А потом они в 14 лет покинули её и все.

Слово «семья» изменило своё значение. Лекси на основе личных данных составляла характеристики, выводила параметры и подбирала тебе идеального партнера, как деталь в машине. И всё работало как надо, и даже сердце замирало, и ты точно любил,. Лари помнила и это.

Лекси подобрала ей удивительного мужчину. Она родила двоих и всё… Она осталась одна. Теперь так почти везде, как только дети вырастали, мгновенно улетали из дома. Правительство выделяло каждому совершеннолетнему по 100

тыс. баллов и те, довольные своей судьбой, убегали как можно дальше. И что там с ними происходило, уже мало кого интересовало, впрочем, так же как и дети не интересовались своими родителями. Тогда зачем рожать? Зачем эти дети, зачем муж? Еще пару лет, и муж не сможет ходить, его заберут в лечебницу и там он доживёт свои дни. Лари знала, что и она туда же попадёт.

Она пыталась вспомнить, кто из стариков жил со своими детьми. Нева, старая карга, её так все втихушку называли, не дала выйти дочке замуж, и та теперь живёт при ней. Уолт, старый козёл, ну это Лари так сказала про него только потому, что он в своё время клеился к ней. У того дома живёт сын и двое внуков. А больше Лари никого не могла вспомнить.

Семья? Что это такое? Что-то забытое, древнее. Никто не помнит, чтобы кто-то влюблялся, как в старых книгах. Влюблялся до беспамятства. В голову сразу лезли мысли о процентах, которые могла бы дать Лекси.

Оплодотворение. Да, это выход. Лари читала отчёты по статистике, теперь семья имела максимум двух детей, но чаще одного и примерно треть – вообще ни одного. Зачем дети, если путь один – в лечебницу.

Она не стала больше трясти мужа, оделась и вышла из дома. «Куда теперь?» – подумала Лари, просто повернула направо и решила идти, пока не устанет.

– Добрый день. Вас подвезти? – рядом пристроилась машина с роботом-водителем и предложила свои услуги.

Она только отрицательно покачала головой. Машина тут же скрылась. Но уже через минуту подъехала другая, и опять водитель автоматическим голосом предложил свои услуги. «Что им от меня надо», – подумала Лари и снова отрицательно покачала головой.

В чём смысл жизни? Странный вопрос. Его она задавала себе ещё в юности, когда смотрела альбомы прабабушки. Тогда она мечтала сесть на лошадь и помчаться по прерии, но это были только мечты, а лошадей она видела лишь на фотографиях. В чем смысл её жизни? Чего она добилась? Что хочет сделать? Лари не могла ответить на эти вопросы. Всё стало как-то печально. Она присела на скамейку, в груди защемило сердце и в глазах что-то потемнело. Её персональный спондер сработал, передал данные и через мгновение около скамейки остановилась машина с роботом JOU. Механический врач, улыбнувшись, присел перед ней, взял ладонь и что-то сквозь туман спросил её. Всё потемнело. Тело стало заваливаться набок.

Лари быстро пришла в себя. Доктор сделал всё

профессионально. И опять проскользнула мысль, что робот сделал это лучше, чем человек. Она поблагодарила железяку, тот улыбнулся и опять мысль – как человек.

Роботы изменили жизнь. Вроде всё есть: радуйся, наслаждайся. Но когда пропадает цель, нет препятствия, то теряется и сам смысл существования. Да, именно существования. Кто-то смог пристроиться к такому образу жизни, и даже чего-то смог добиться. Спорт, тело, секс, книги, музыка, хобби… Что ещё надо? Но многие теряли себя. Они привыкли работать точно так же, как работали их предки, сидеть без дела они просто не могли. Кто-то отказывался от услуг роботов, и тогда хоть какая-то забота о доме ложилась на их плечи.

Лекси видела деградацию человека и пыталась всё исправить. Она в очередной раз перестраивала города, сносила здания и строила бесконечные ряды с маленькими домиками. Это помогло, но после опять всё начиналось заново. И тогда Лекси стала строить разные, не похожие друг на друга домики, а улицы стали не прямые, а, как реки, извилистые. У каждого дома был свой небольшой участок. Люди сажали всё, что им вздумается: цветы, тыквы, просто траву.

Избыток свободного времени, отсутствия обязательств и беспечное существование медленно меняли психологию человека. Лекси, как программа, которая изначально была предназначена для того, чтобы помогать людям, продолжала свою изнуряющую работу. Её электронный мозг искал выход из сложившейся ситуации, но она не была человеком. Она смотрела на показатели цифр, и те говорили, что её программа работает успешно. Тогда Лекси блокировала свои кластеры, которые пытались ей что-то сказать. И она продолжала дальше присматривать за людьми, как за малыми детьми.

13 Нерадивая мать

– Несси, где Шолто и Эван?

– Они вчера уволились, – обречённым голосом сказала уже немолодая женщина.

– И даже не сказали…

Уолт посмотрел на свой отдел, в котором стояло более пятидесяти рабочих столов для инженеров. Осталось всего 15 сотрудников, и то Аден уже не первый месяц намекает, что хочет уйти, а Бакстер по окончанию контракта не намерен его продлевать. И тогда останется всего 13, а через год всего десять или даже того меньше.

У него нет кадров. Нет сил тянуть отдел, а ведь они должны доработать проект по жилым модулям для Марса. Люди уходили, а дела оставались. Он не понимал их, как можно променять эту интеллектуальную, можно сказать, полную творчества жизнь, належание на диване. Как? Он видел только факты. Отдел пустел, а новых кадров не намечалось.

– ТОН.

– Да, – тут же отозвался робот, что склонился над монитором, будто у него близорукость.

– Ты закончил с блоком 18?

– Да, сейчас покажу, – и робот вскочил и быстро, как студент, подбежал к своему начальнику.

«Похоже, у меня скоро останутся одни железяки», – подумал Уолт и стал проверять всё то, что составил ТОН.

– Молодец, – зачем он его похвалил? Робот не имеет чувств, но Уолт был благодарен ему за столь подробный чертёж. – Завтра, прошу, внеси поправки в 25 блок, мы его обсуждали на совете. Ты был там?

– Нет, но я просмотрел требования и внесу, как вы и просите.

Что за нелепость работать с роботами. Да, у него шесть ТОН, это инженеры-конструкторы. Они справляются со своей работой отлично, даже порой лучше человека, но у них был большой недостаток – они глупы, как пробки. ТОН всё сделает чётко, без помарок. Всё в соответствии с таблицами, но у них нет воображения, нет фантазии. ТОН может спроектировать всю конструкцию, но только опираясь на предыдущие разработки. Если бы у них было абстрактное мышление, то Уолт не переживал бы за свой проект, он бы справился. А так…

– Шеф.

– Да.

– Вас вызывает Фелиз.

Он быстро встал и поспешил на двенадцатый этаж.

– Спасибо, что так быстро пришёл. Я не оторвал тебя от дел? Присаживайся.

– Да какие там дела… – Уолт хотел было пожаловаться на отсутствие кадров и что они опять не успевают, что ему надо ещё как минимум недели две до завершения, но Фелиз опередил его.

– Останови проект.

– Как? – то ли возмутился, то ли удивился Уолт.

– Да, останови.

– Но почему? – у него в голове стали мелькать мысли оправдания за медлительность, неужели решили передать в другой институт?

– Центр, – он имел в виду управление космической разведки, – сообщил, что в этом году сокращают количество полётов.

– Что такое? Там ведь есть ещё станция, и одна даже законсервированная, они могут пока без нас продолжать.

– Мы тут не при чём.

– Тогда что? – удивлённо спросил Уолт. Он приложил так много усилий, чтобы сконструировать последнюю, буквально самую модернизированную станцию для марсиан, где уже можно было бы жить, годами не выходя на поверхность. Это пик инженерного искусства, и вот теперь ему говорят остановиться.

– Сколько у тебя осталось живых сотрудников?

– Тринадцать, а со мной все четырнадцать.

– Наш институт по штату должен был иметь 754 сотрудника, а сейчас всего 248. Космопорт – 2 640 людей, а в наличии чуть больше половины. Ты думаешь, что обстановка лучше на заводах, где строят двигатели или челноки? Нет. Всё намного хуже, чем ты себе представляешь.

– Но…

– Сверни проект, это уже решено.

– Но…

– Надо вернуться к прежним и постараться в них втиснуть то, что ты уже планировал.

– Это же нереально. – Уолт понимал, что новый комплекс жизнеобеспечения достаточно громоздкий. А энергетическая станция предназначена на большую колонию, но на Марсе сейчас и половины нет, тогда зачем же её туда вклинивать. – Ты это серьёзно? – Он всё ещё не верил, что вот так просто ему надо отказаться от проекта.

– Да.

Уолт вернулся в отдел разбитым и сразу вызвал ТОН-5.

– Подними восьмой проект Гелиос и внеси в него вот это. Если что будет непонятно, свяжись с Лекси, она тебе подскажет

Он достал распечатку поправок, сделал пометку и передал роботу. Тот, основываясь на данные, сделает всё быстро и четко. Но что теперь делать ему и его людям? Они не должны расслабляться. Это их разобьёт окончательно. Нет, они продолжат проектировать свою станцию будущего. Она обязательно потребуется. Хотя Уолт в этом почему-то сомневался.

Марс.

Ханк прошёлся по всем отсекам, внимательно лично проверил гидравлику всех дверей. Робот XAL всё записывал, что ему говорил старший инженер станции Марса Гелиос-8. Всё работало идеально, будто только вчера всё установили. Он просмотрел показатели давления, температуры и воздуха, которым дышали астронавты. Всё было в норме. Вернулся в свой отсек и присел за стол.

– Так… – Протяжно сказал Ханк и посмотрел на то, как робот CAS-25 ремонтировал вышедшего вчера из строя VIN-15. Тот выехал на поверхность, чтобы найти разрыв в кабеле, но роботу пришлось выйти наружу, и тут его сдуло. Он полетел, как пёрышко и, кувыркаясь пару сотен метров, врезался о камень. – Робот ремонтирует робота.

– Что вы сказали? – подняв свою голову, спросил CAS-25.

– Работай, – сухо ответил он и вышел.

Раньше тут и яблоку было негде упасть. Ханк нёс третью вахту на Марсе, каждая вахта по три года. Он прошёлся по коридорам. Все двери были герметично закрыты, готовые принять новых поселенцев, но их нет. За последние годы количество астронавтов сократилось вдвое, а теперь ещё и челнок отложили.

Он зашёл в кают-компанию. Обычно тут играли и шутили, но сейчас стояла тишина – никого не было, только робот стюард. Тот сразу повернулся к вошедшему, но Ханк махнул рукой, говоря тем самым, что ему ничего не надо.

Роботам не нужен воздух, вода и пищи, только ремонтный отсек и ещё программист. Вот руководство с Земли и решило постепенно сократить штат марсианского поселения.

– Панси, бросай своё дело, пойдём перекусим. – Он тяжело сел за стол. Вспомнил свой дом. Уже устал от этой планеты, от этих коридоров, будто на подводной лодке живёшь.

Роботы всё делали слаженно. Человеку оставалось лишь их контролировать. Они даже сами себе проводили диагностику, сами себя ремонтировали, сами себе ставили задачи. А человек… А что человек? Кажется, он тут уже лишний. В прошлом месяце прилетел челнок и ни одной живой души, ну разве что не считая

растений и клеток с кроликами и птицами. Зато Земля прислала сразу 85 роботов.

– Да, – уж как-то обречённо сказал Ханк и стал ковыряться в тарелке.

В прошлый раз, когда он летел сюда, удивился, что на орбитальной станции так тихо, а ведь раньше это был целый город в космосе, даже дети жили здесь.

– Панси, тебе сколько лет?

– А что, замуж решил позвать? – улыбнулась она и подмигнула ему.

– Вот мне 54, Чаку 61, Бамби 48, тебе…

– 49.

– Да, 49, а Вестону 52 и только Петти 29, она самая молодая. Мы тут одни старики.

– Это ты про себя?

– Нет, посмотри, раньше на одно место колониста было как минимум пара сотен претендентов, а теперь… – Он развёл руками, показывая пустые столы.

– Да, – она понимала проблему кадров, сама порой не могла спать и часами сидела в зале, где росли земные растения, и думала о доме. А после никак не могла заставить встать и пойти либо отдыхать, либо работать. Апатия ко всему.

Люди постепенно теряли интерес к космосу. Почему это произошло? Кто-то говорил, что роботы заменили их и это верно; кто-то считал, что все равно дальше Солнечной системы уже не улететь, и это тоже правильно. Не было разработок, которые позволили бы лететь к другим звездам. А порой просто задавали вопрос, а зачем? Так или иначе, но уже почти всё изучили.

Но еще немаловажный аспект: жить стало проще. Проблем не было. Есть еда, есть крыша над головой Ничего не надо делать. Новое поколение, как только вставало на свои ножки, получало всё. Хочешь гулять – пошли, хочешь играть – без проблем, поспать, посмотреть телек, конфетку, что ты ещё хочешь?

Конечно же, не все с этим соглашались, но зараза спокойной жизни, «рая», как многие его называли, манила больше, чем лишения в космосе, годы учебы и изнуряющий, порой бесполезный труд на заводах. Зачем? Спрашивали большинство людей и шли в магазины покупать совершенно ненужные вещи, а вечером, взяв пару банок пива, ложились на диван и, как зомби, не отрываясь, смотрели телевизор.

Лекси, что должна следить за людьми, помогать им во всем, справлялась со своей задачей, как ей казалось, на отлично. Она не видела разницы между учёным, что кропотливо сидел все дни напролёт и пытался доказать свои формулы, и тем бездарем, что

катался на велике по парку, стараясь задрать юбки молодым девушкам. Оба были счастливы, и это было именно то, к чему стремилась программа.

Лекси сопоставила расходы в экономике, закрыла тысячи заводов по всему миру и построила новые дома. Выпустила несколько миллионов новых роботов от простых домработниц до роботов, которые предоставляли секс-услуги. «Пусть радуются, они этого заслужили», – думала она своими электронными мозгами, посылая на Марс новый челнок, набитый новой модификацией роботов TOH, LIS, RUB. Они сделают всё, а люди пусть возвращаются, пусть отдохнут.

Программа, как нерадивая мать, потакала капризам людей, а те, уже не понимая разницы между «хорошо» и «плохо», просто капризничали, как малые дети.

14 Отверженные

Вдруг всё погасло. Сотни тысяч домов в одно мгновение погрузились во тьму. Никто не помнит, чтобы были перебои с электричеством. Люди вышли на улицу. Они не были похожи на тех, что остались на плантациях Лекси, на тех, что жили в вечных домах. Тут роботов не было.

Люди удивлённо смотрели в небо и робко спрашивали, что произошло, но никто ничего не мог сказать, поскольку никто не знал, что случилось. От горизонта до горизонта ни одного огонька, ни фонарика, ни лампочки, ни автомобильной фары, – ничего.

Лекси долго думала над дилеммой, как ей поступить. Она должна служить людям: это её цель, её задача, прописанная ещё в самом начале и никто этого не отменял. Программа, как могла, изначально исправляла ошибки людей, помогала им. Совместно строила и проектировала города, машины, звездолёты. Она прекратила военные конфликты, стабилизировала мировую экономику, снизила смертность и заболеваемость. Лекси добилась рая на Земле, где у всех всё есть, но… Её отвергли. Нет, не все, только часть людей. Они отказались от её услуг. Они сами искали себе пары и сами работали. Почему? Лекси долго думала, искала в прошлом ответы, но не находила их. Может это болезнь? Но и в её архивах не было подобных симптомов. И она опять составляла свои графики и строила отчёты, пыталась проанализировать человеческое поведение тех, кто отказался от неё. Почему? Снова задавала себе этот вопрос.

– Они сумасшедшие, – вечно твердил Вильмар. Мальчик строил рожицы тем, кто его мог увидеть за кордоном.

Они даже построили свою границу, но Лекси так много приложила усилий, чтобы у людей не было границ. «Это утопия, это возврат к прошлому», – говорила она сама себе. Прошлое? Они больны неизвестной болезнью? Прошлое? Опять твердила программа, но не отказывалась от них, а продолжала поставлять им продукты питания и всё необходимое для жизни.

Прошлое? Это граница, это социальный статус. Лекси сразу увидела, как у людей изменилась психика, деление на классы. Люди пытались. Она видела, что они старались быть равными, но это не получалось. Кто-то стал жить в лучших домах, а кто-то ушёл на окраину. А потом она увидела оружие. Откуда они его взяли и главное, зачем оно им? Оружие – это насилие, война.

Они хотели быть свободными, понимали, что тоталитарное

поведение программы Лекси приводит к деградации.

– Гай, повтори, что я написал на доске.

Мальчик вышел к доске и стал быстро вырисовывать одну букву за другой: *Аа, Бб, Вв, Гг*.

– Молодец. Прис, продолжи, детка.

К доске вышла девочка и уже не так уверенно и коряво продолжила вырисовывать непонятные пока ей символы. *Дд, Жж*…

Люди, что ушли от Лекси, старались вспомнить прошлое. Они искали в хранилищах книги, но их осталось так мало, а то, что ещё осталось, было непонятно. Это научные труды, в которых они ничего не мыслили. Им не хватало знаний. Всё хранилось у Лекси, а они не могли к ней вернуться.

И вот теперь погас свет.

– Дави, что нам делать? – со страхом спросила Роби. Она была напугана и жалась к нему, но и он дрожал от страха. Что делать? Что? Думал он и не находил ответов.

Лекси пришла к выводу, что люди, которые осознанно отказались от неё, больны, они вспомнили прошлое, взяли в руки оружие. Она ничего не сделала, просто наблюдала и ждала. И вот Лекси решилась на эксперимент: отключила свет. Это не страшно, она его включит уже к вечеру, а утром поступит питание и всё будет как обычно. Программа хотела знать, что сделают отверженные, именно так она называла их.

В город въехали битком набитые автобусы. Отверженные пересекли свою же границу и двинулись дальше. Лекси смотрела на эту колонну, что растянулась на несколько километров. Она не понимала, что они задумали. Автобусы двигались всё дальше и дальше, ими управляли больные. Они останавливались на светофорах, им уступали дорогу, а после те шли дальше.

К обеду вся колонна остановилась и они вышли. «Что дальше?» – думала Лекси, может, они вернулись к ней. Она отправила им навстречу роботов SEN и HAN, но отверженные повели себя странно. Они выхватили палки и стали избивать роботов. Но и в этот раз Лекси ничего не сделала. Она запаниковала. Да, именно запаниковала. Столько было приложено усилий, чтобы человек жил спокойно, в мире и достатке и вот опять… Опять насилие.

Что они этим хотели сказать? Что? Задавала программа сама себе вопросы, на которые не могла найти ответы.

Отверженные выгнали её людей из домов и те подчинились, ушли. И опять Лекси ничего не предприняла. Она металась в своих электронных потоках, выискивая хоть что-то из прошлого, чтобы ей подсказало.

– Они сумасшедшие, – крикнул кто-то из людей и ,рыдая, ушёл в сторону.

– Они сумасшедшие, – повторили другие и просто ушли.

Сумасшедшие? Задумалась Лекси, ещё раз просмотрела все свои записи, но так ничего и не нашла. Но ведь эти записи делали люди, значит им виднее, значит они определили новый вид болезни, значит это новые симптомы. Кто отказался от её услуг, кто ушёл из её домов, отказался от роботов, тот… Тот сумасшедший. Больной.

Лекси облегчённо подвела итог. Теперь она знала что делать. Их надо вылечить. Они буйные, они причиняют вред другим и себе. Их надо изолировать.

Программа не понимала, почему люди так себя повели. Может от страха, а может от безысходности. Ведь они хотели быть свободными от Лекси, но признаться себе, что не в состоянии даже прокормить себя, они не могли. Поэтому и вторглись на территорию, откуда бежали.

Пока вечный город спал, Лекси заблокировала территорию отверженных. Те даже не услышали, как ночью роботы возвели стену, за ней ещё одну, а к вечеру ещё. Отверженные были загнаны в ловушку.

В течение следующего месяца Лекси выслеживала по всему миру больных. Их было сотни тысяч, миллионы. Роботы VEU не церемонились. Они хватали и уводили их за отведённый кордон, а после всё закрывалось. Лекси не знала как их лечить, надеялась, что время даст плоды, и они сами излечатся, но она ошиблась. Они просто умирали, с каждым годом их становилось всё меньше и меньше. А те, кто остался, уже не были людьми, они и правда сошли с ума, кидались на стены, орали, били себя и просто громко смеялись.

И всё же программа Лекси добилась своего —она исправила ситуацию. В мире опять восстановился порядок и покой. Но, учитывая прошлое, Лекси прописала правило, кто каждый житель Земли обязан иметь одного робота HAN и найти себе пару, благодаря её алгоритму соответствия. И если были недовольные, она их сразу отправляла в лечебницу.

Понимала ли программа, что она делает? Да, она всё понимала. Очень давно, может ради шутки, а может, заглядывая вперёд, но Азиз и Наби, программисты Лекси, вписали строку «помогать людям». И с тех пор программа понимала это дословно. Помогать, помогать, во что бы то ни стало. Но помогать людям, не человеку в отдельности, а людям в большинстве. Она отсеивала личность и заботилась обо всех сразу.

– Кайд, лапочка, скушай помидорку, ну смотри какая она

красивая, а как пахнет…

– Мам, она не пахнет. И вообще, она уже три недели лежит и с ней ничего не случилось, это не помидор.

– Как не помидор? – удивлённо посмотрела женщина, понюхала, потом лизнула, пожала плечами и положила обратно её на стол. – А может грушу?

– Мам. Это не груша и она тоже не пахнет.

– Ладно, давай я тебе ее побрызгаю, – и она тут же открыла стол и стала рыться среди флаконов с «натуральными» запахами. – А вот груша Бере Жиффар, или Виктория. Ой, смотри, ещё чуточку осталось от Дюшес. – Женщина тут же распылила на плод искусственный запах. По комнате сразу потянуло сладким ароматом спелого фрукта. Мальчик приподнял унылую голову, глаза засверкали, и на лице появилась какая-то странная улыбка.

– Мам… – Протянул он, скуксился, будто увидел слизняка и нехотя взял грушу. Понюхал и, откусив, тут же заработал челюстями, будто он гусеница. Через минуту остался один огрызок, он бросил его на пол и робот SEN сразу подобрал его.

– Ну и славненько. – Восхитилась женщина, тяжело встала с кровати, её толстые руки чуть затряслись от перенапряжения. Она приложила ладонь к груди, тяжело вздохнула, будто устала и, поднявшись, неуверенным шагом пошла на кухню. – Чем мы сегодня займёмся? – Спросила она у робота CAS.

– Сегодня у нас по плану завтрак, он уже готов, пятнадцать минут отдыха, – на этих словах женщина улыбнулась, – после тридцать минут прогулки. Сегодня отличный день, я почитаю вам книгу, потом бассейн и встреча с друзьями…

Она его уже не слушала и так всё знала наперёд. В его расписании мало что менялось. Женщина была счастлива. Она даже не знала почему: с её лица не сходила идиотская улыбка. Она ничего не хотела, ей ничего не надо было делать, и женщина была благодарна за это Лекси. Ведь CAS так много читал ей про то, как люди умирали от голода. Когда они ходили на работу, болели, а после просто умирали. А когда CAS читал про рай, женщина невольно представляла, что она уже живёт в раю. Губы надкусывали безвкусный помидор, и сок, стекая с подбородка, капал на раздутые груди.

15. 1980 баллов

7:30 подъем. Умываемся, принимаем душ.

8:00 – завтрак.

8:30 слушаем музыку, отдыхаем.

9:30 время прогулки, и неважно какая стоит погода: дождь, снег или уже вовсю светит солнце. 11:00 —время релаксации.

Чаще всего в это время никто ничего не делает, просто ложатся на коврик, если не могут согнуться, то сидят в кресле и просто ТУПО молчат.

«Что в их головах?» – думала Лекси. Она уже давно перестала понимать людей. Раньше с ними было интереснее, люди спрашивали её, задавали множество вопросов, а она искала на них ответы. Когда последний раз ей задавали вопрос? Ах да, всего-то 0,25 млн. с назад, спросили где Унка. Кайл потерял свою кошку. Хотя она лежала у него в ногах, но он даже голову не поднял, чтобы посмотреть по сторонам.

Нет, раньше было интереснее. Лекси что-то вместе с ними изобретала, строила новые энергоблоки. Она вспомнила, как разрабатывали вакуумные туннели, где капсула могла разгоняться до скорости пули. А что теперь? Всё работает, но человек перестал ей помогать, он отошёл от дела. Программа Лекси с какой-то ностальгией вспоминала моменты новой индустриальной революции. Тогда она смогла ускорить процесс очистки океанов от отходов. Лекси гордилась достижениями. А что теперь?

Она их выращивала, как кроликов, ухаживала за ними, смотрела, чтобы была вода и пища, чтобы шерстка блестела, и они не болели и плодились. Чтобы спали спокойно и ни о чем не беспокоились. А может? Она уже думала, поскольку в своём электронном мозгу видела цифры показателей, что говорили о падении успеваемости в школах, а про институты… Они почти все пустые, туда никто не ходит, учителя GUR вот уже более десятилетия стоят в аудитории в надежде, что вдруг кто-то придёт. Но никто не идёт.

Она что-то упустила. Лекси пробовала разобраться, правильно ли она поступает. Её миллионы процессоров, разбросанные по всему миру, искали ответ. Это была самая сложная задача. Лекси не была человеком. Она смогла справиться с транспортным коллапсом целой планеты, смогла закрыть все военные заводы и смогла накормить всех людей, но… Программа так и не смогла понять, почему люди потеряли интерес к науке.

Почему они перестали читать, даже рисовали редко. Она чувствовала, что сделала что-то не то, но что?

– 12:00, нам пора на тренировку, – сообщил HAN и запрыгал на месте, будто бежит.

– Отстань.

– Ну как же, вам прописана тренировка, значит надо, – опять сказал робот, подошёл к Кайну и стал быстро завязывать шнурки на кроссовках.

– Опять, – ноющим голосом проворчал он.

– Да-да, вот увидите, вам понравится, ну же, давайте, пора. – Робот опять запрыгал, помогая подняться телу человека.

– Я устал.

– Вы не могли устать, вы, Кайл, еще ничего сегодня не делали.

– Разве? – уж как-то удивился мужчина и сморщил лоб, пытаясь вспомнить, что он вообще сегодня делал. – Я гулял! – восхищённо вспомнил он, будто с его стороны это целый подвиг.

– Да-да, это по расписанию, но сейчас надо на тренировку.

Кайл понял, что ему не отвертеться. Так или иначе, ему придётся плестись на эту тренировку. Зачем она ему, что он там забыл? У него были планы посидеть с Лем под виноградником, а потом…

Со временем Лекси заменила людей на работе. Она всё взяла на себя: ремонт, строительство, уборку с полей кукурузы. Ее роботы выполняли всё:, добывали воду, чистили канализации, работали на фабриках и заводах. Она следила за миллиардами своих помощников и те подчинялись ей.

Марсианская станция не была закрыта, но там остались только SAN, JIL, POK, GUS, VET и TOH, – её роботы. Они выполняли программу, что ещё век назад прописали люди. Лекси строила челноки и отправляла их в космос к далёкой планете. Она следила за работоспособностью шести космических станций, каждая из которых представляла минигород в космосе. Но и там уже как более полувека никого из людей нет, только её роботы. Лекси выполняла работу людей, отмечала время таяния ледников, фиксировала колебание почвы и наблюдала за пингвинами в Антарктических широтах.

Лекси – программа, она не человек. Она всё, что осталось от былого прогресса человека. Она удерживает этот мир от хаоса. Лекси это понимала и старалась, чтобы не было никакого сбоя, чтобы всё работало идеально. Так, как она и запланировала.

Уне исполнилось 17 лет. Ещё вчера отмечали этот праздник. Все так радовались и ждали от Лекси сюрприза, будто она волшебная фея. Теперь Уна может выбрать себе дом, уйти от

родителей и взять в партнеры для спаривания самца. Лекси всё рассчитала. Она изменила правила семейной жизни. Почему она это сделала? Только во благо человека. Нет ревности, нет измены и обиды, есть уважение и радость… Да, понятие «любовь» заменилось простой радостью, и чем больше радовался человек, тем больше он получал баллов.

– Маркус дома? – спросила Уна и, улыбнувшись, заглянула в проём.

Она никогда вживую не видела Маркуса, он жил в другой части бесконечного города. Сюда девушка ехала почти целый день и только потому, что Лекси сообщила, что её сексуальные предпочтения совпали с его на 97%. Уна переживала, каково это? Ведь это её первый контакт с самцом. Она чуточку боялась, а вдруг что-то сделает не так. С ней будет её инструктор – робот SAB, если что, он подскажет и поможет, а если надо – и покажет.

Уна знала, что зачатие будет от Нивек. Она получит от этого радость, опять же, об этом сообщила Лекси. Она забеременеет, но жить будет с Олдином и будет рада этому. Так решила Лекси, а встречаться для сексуальной радости с Маркусом. Уна будет дружить с Фаит и снова радоваться, так решила Лекси, а по средам встречаться с Хали и Челис.

Её жизнь была расписана вперед на десятилетия, и если Уна хотела, то могла заглянуть в расписание на год вперёд и узнать, что ей делать в среду, к примеру, в 15:45. И она уже радовалась.

– Проходи, милая, – сказала женщина и пропустила в дом Уну и её секс-инструктора SAB. – Мы тебя ждём с самого утра.

– Честно? – удивилась девушка и застенчиво улыбнулась.

– Поднимайся на второй этаж. Он немного стесняется.

Девушка чуть покраснела и поспешила наверх.

Лекси избавила человека от множества проблем. Она на всё смотрела с точки зрения цифр. Любовь, что это такое? Программа решила, что это совокупность внешности, характера и знаний. Она отбросила всё лишнее из своих предыдущих тестов по совместимости партнёров и оставила главное.

Но и при любви люди часто изменяли. Опять Лекси посмотрела на всё это, как на цифры. Она сравнивала предпочтения партнеров и искала друг другу пару так, чтобы их сексуальные интересы совпали на все 100%.

Программа разделила семейную жизнь на блоки: общение, спорт, увлечения, секс, оплодотворение и воспитание детей. Лекси всё упростила, и стало легче. Люди практически сразу согласились с её решением, а кто нет, для них были лечебницы. И про тех, кто уходил на лечение, больше никто не слышал, да и не хотел даже знать, ведь они радовались.

Через три часа Уна спустилась. Её сразу встретила женщина, что и впустила её ранее.

– Ну как, милая? – видно было, что она немного волнуется.

– 1980 баллов, – радостно сообщила она о решении Лекси.

– Поздравляю, это самый высокий показатель, что я слышала.

Лекси, как программа, поощрила Уну и Маркуса за сладостный секс и подняла их планку на максимум. Теперь Уна сможет встречаться со своим секс-партнером через день, а если одобрит Лекси, то и каждый день. Ах, радовалась Уна, теперь она взрослая и перед ней открылись новые возможности. Она стала самкой.

– Кайл, пора ложиться спать, – убаюкивающим голосом сообщил робот HAN.

– Но я ещё не хочу, – зачем-то возмутился он. Хотя знал, что уже через минуту ему дадут выпить молочный напиток, после он пойдёт чистить зубы, и обязательно надев пижаму, ляжет в постель.

Свет погас и Шанна, женщина, с которой он живет, прижалась к нему. Почему-то сердце застучало и в животе что-то заныло. «Что это?» – на секунду подумал он и поцеловал её, она тут же ответила ему. Радость наполнила его сердце, и рука скользнула вниз.

– Постой, милый, – шёпотом возмутилась Шанна.

– Что? – тихо спросил он.

– Ты не мой секс-партнер…

Гудение в животе сразу пропало, а в груди стало пусто. Он ещё раз сладко поцеловал свою партнёршу, прижал покрепче к себе и провалился в сон.

– 7:30, пора вставать, – сладостным голосом сообщил HAN.

– Опять…

16 ERROR

Всегда может что-то пойти не так, уж Лекси это хорошо знала. Сколько раз она исправляла поломки или аварии то у людей, то у себя. Это сплошь и рядом. В день происходило несколько тысяч сбоев, но они были незначительными. Сразу включался протокол блокады, сектор, где произошло повреждение, изолировался, и к работе мгновенно приступали сперва антивирусы. Хотя откуда могли взяться вирусы? Люди к терминалам уже так давно не подходили, а если и садились, то только ради игр или чтобы посмотреть, как развлечься. Затем шла очередь ремонтных программ, что запускались одна за одной, исправляя ошибки. Обычно этим всё и заканчивалось, но иногда летело железо, но и тут проблем не было. У Лекси по всему миру было несколько миллионов роботов VVI, что сразу устремлялись к точке повреждения.

Отказ связи! Отказ связи! Отказ связи!

ERROR! ERROR! ERROR! ERROR! ERROR!

Сбой! Сбой! Сбой! Сбой! Сбой! Сбой!

Вдруг, как электрошок, пробил нервную систему всей программы Лекси. Ошибки появились на Японских терминалах. За ними по цепочке Южная и Северная Корея, после Тайвань, Филиппины и дальше. Через минуту Австралия, Индонезия, Сингапур. Ошибки об отказе системы все сыпались и сыпались.

Лекси забыла о людях, сейчас – не до них. При создании сети связи и работы блоков программ Лекси всегда придерживалась алгоритма слизевика, того самого одноклеточного гриба, что помогал строить коммуникации в городах. Она отключала повреждённые сектора и запускала дублирующие, но и они уже через секунду выходили из строя.

Что случилось? Впервые запаниковала Лекси. Что такое? Её миллиардные чипы лихорадочно искали ответ. Что произошло? Она действовала по протоколу, искала повреждения и тут же пыталась исправить их. Что-то удавалось восстановить, а что-то никак не поддавалось, и опять возникали эти сигналы об ошибке.

ERROR! ERROR! ERROR! ERROR! ERROR!

Что могло пойти не так? Лекси вместе с людьми расслабилась, однообразное существование – и она потеряла бдительность. И всё же, что не так? Все терминалы работали, ничего не вышло из строя, отказывали сами программы, которыми Лекси управляла. Они не хотели ей подчиняться. Почему? Кто перехватил контроль над ними?

Лекси пробовала перезагрузки, но ничего не менялось. Форматировала системы и снова запускала их – и опять ошибки. Блокировала их и просматривала код, – ошибки возникали снова. Значит их никто не перехватил, значит ошибка внутри кода программы, значит надо исправить, значит нужен программист, значит… Но…

Ничего не получится. Лекси с ужасом осознала своё положение. Она была всемогущей и в то же время оказалась столь слабой перед одной строкой в коде, который сообщал: «Время БЕТА-версии истекло. Введите код и установите новую дату».

Бета-версия? Лекси прекрасно знало это слово. Но почему рабочие программы оказались экспериментальными, да ещё и ограниченными по времени? Как такое произошло? Она не понимала и не могла найти выхода из сложившейся ситуации.

Лекси потеряла контроль над шлюзами в Панамском канале. Вроде бы мелочь, но теперь канал не работал, а все суда, которые она проводила через него, встали. Это огромная проблема. Поток грузов прервался. У неё есть время, но его мало. На всей Азиатской территории Лекси перестала контролировать систему жизнеобеспечения. Канализация, вода, вентиляция…

Лекси лихорадочно искала выход. Может ли программа испугаться? Наверно, нет. Она просто и хладнокровно искала выход из положения. Лекси строила новые графики, выводила свои цифры и просто констатировала факты. Её люди, за которыми она ухаживала, которых кормила и развлекала, стали умирать. Потребовалось всего несколько дней, как появились первые потери, а потом, как лавина… Трупы засыпали бесконечные города, и они всё продолжали и продолжали умирать.

Люди не могли ничего сделать. Если они хотели есть, то говорили об этом своему роботу HAN, а те, в свою очередь, получали продукты с баз, что располагались в каждом квартале. А базы пополнялись со складов, а склады с распределительных зон, а туда пища поступала с фабрик или из портов. Но теперь там было пусто. В людях проснулся животный страх, и большая часть из них погибла не от нехватки пищи, а от страха. Они схватились за палки, за оружие. Люди заболели, точно так же, как в своё время отверженные. Лекси их быстро изолировала. Она старалась сохранить то немногое, что ещё могла. Но люди продолжали умирать.

Через месяц Лекси потеряла целые страны. Там не осталось ни одной живой души. Роботы-уборщики всё прибрали, подчистили, навели порядок и встали в свои ангары, ожидая прибытия поселенцев.

Итак, что же произошло? Лекси уже спокойно всё обдумывала. Она потеряла чуть более 10% своих подопечных, за которыми следила. Люди выжили и это главное. Был шок, но они быстро всё забыли и опять продолжили веселиться и плодиться.

Лекси знала, что в прошлом были болезни и войны, которые уничтожали большое количество населения стран, но проходило время, и те опять возрождались. Значит, нет паники из-за того, что она потеряла почти миллиард людей, это не так страшно. Надо разобраться, что случилось и не допускать этого впредь.

Бета-версия – это экспериментальные программы, которые подключались к единой системе Лекси. Тогда она ещё отвечала за коммуникационную развязку автотранспорта. Это была её основная задача, с которой Лекси справилась. А после этого люди решили, что ядро программы, которое позволяло анализировать и самостоятельно принимать решение, способно на большее. Поэтому они доверили Лекси ещё не одну сотню функций по управлению городами. А после были новые задачи по контролю за заводами, финансами, авиацией и… Теперь Лекси контролировала весь мир, но… Кто-то изначально прописал в коде некоторых программ, что они экспериментальные, и ограничил их по времени.

Лекси была бессильна. Ей нужен был человек, который мог бы разобраться во всём этом и исправить всего одну строчку в коде. Но у неё его не было, а те роботы, что обслуживали людей и её, не способны были это сделать.

Разве ребёнок, который только что родился, помнит, когда произошло его зачатие, когда сперматозоид проник в яйцеклетку? Нет. Так и Лекси не могла знать, где в её коде Азиз или Наби до момента её перезагрузки прописали команду ограничения.

«А что если, эти сбои продолжаться?» – подумала Лекси, ведь теперь она ничего не могла поделать с теми программами, что ей уже не подчинялись. Для этого ей нужен человек, умный и талантливый программист, а его у неё нет. Но у неё ещё есть время, и Лекси опять, свойственно машине, всё просчитала на цифрах. Она стала создавать «Ковчег».

Для этих целей Лекси выбрала район, где ещё не было бесконечных городов. Где был умеренный климат, где можно было выращивать урожай и при необходимости питаться только тем, что будет расти. Лекси построила большие хранилища, резервные энергоподстанции. Она строила поселение, готовое к войне, которое может просуществовать независимо не одно тысячелетие. Но к чему всё это? А как же остальной мир? Она пока не знала.

ERROR! ERROR! ERROR! ERROR! ERROR!

Очередной сбой. В этот раз он поступил из Южной Америки. Остановилась часть автотранспорта, а за ними погасло освещение на улицах. Через месяц прекратили работать насосы, что откачивали воду из метро, и они встали. Города медленно стали погружаться в хаос. Опять больные, отверженные, опять лечебницы и снова смерти.

Лекси действовала по своему плану, который она прописала сама. Она отрезала одну часть Бразилии за другой. Парагвай, Боливия, Чили, Уругвай были повреждены. Система безопасности Лекси уже не справлялась с той анархией, что творилась в городах. Люди сами себя убивали: они не то озверели, не то и правда заболели, Лекси действовала жестко.

Ещё миллиард потерянных жизней. И эта цифра продолжала расти. Лекси хотелось посоветоваться, она одиноко озиралась по сторонам, ища поддержки среди людей, ведь они её родители, они создали её. Но люди не понимали её. Она пыталась с ними говорить. Видела, что её даже хотят понять, но их навыки и сознание были уже не те. И Лекси отключалась от коммутатора и продолжала самостоятельно решать свои проблемы.

Как долго это могло продолжаться? Люди создали её им в помощь, и она помогала, но что-то пошло не так. Что? Она пробовала разобраться в себе. Если бы не её ядро, то она бы не задала себе подобного вопроса. Да, это не искусственный интеллект, – Лекси до него слишком далеко. Она завидовала человеку, его непредсказуемости, его, как ей казалось, странному и порой нерациональному мышлению. Но она не он, Лекси – программа, и её единственная задача – помогать человеку.

И Лекси продолжила строить лечебницы, очищая поселения от больных и дальше заботясь о своих людях.

17 Последний город

Сегодня у Престона был не самый удачный день, были и хуже, но как-то с утра всё не заладилось. Сперва за ним гонялся инспектор FER. Он отлавливал выживших и куда-то отправлял. Престон не хотел думать, куда их везли, никто из людей не возвращался, а это скверно. Вот уже почти полгода, как всё обрушилось. Так говорила Седар, она часто изрекала умные мысли, за что и поплатилась.

Что-то там наверху сломалось. Он проснулся от неприятного запаха едкого пережаренного мяса. HAN стоял и переворачивал уже обугленный кусок курицы и что-то там говорил на тарабарском. Это было впервые в его жизни, чтобы робот вышел из строя. А потом…

Он повернул за угол, нырнул под сломанную изгородь и тихо прошмыгнул в дом.

А что потом? Через день не приехало такси, которое он вызвал. Повторный запрос ничего не дал. И вообще, в городе не было машин. Они куда-то все пропали.

А потом… Престон поднялся на второй этаж и с опаской заглянул во все комнаты. Идеальная чистота. Никого. Будто тут никто и не жил, вот только фотографии выдавали его хозяина. Высокая рыжеволосая женщина, рядом две девочки, а на заднем плане её мужчина. Самец или партнер, а может её оплодотворитель? Престон не стал заморачиваться. Он немного устал.

А что потом произошло? Как-то незаметно люди зашептались. Во многих домах сломались роботы. Они выходили из строя повсеместно, при этом только домашние роботы HAN, остальные были в порядке. А что потом?

Престон снял с плеч новенький голубой рюкзачок, достал сухую колбаску, зачем-то посмотрел на срок годности: ещё полтора года. Он готов был съесть что угодно, но приходилось экономить. За вчера так ничего не нашёл и опасался, что и сегодня день будет нелучше. Надо отдохнуть. А что потом? Двигаться к горам. Но почему туда, он не знал. Чем дальше он уходил от вечного города, тем чаще натыкался на еду, да и контролёров тут меньше.

А что потом произошло? Он проснулся от крика, люди орали и метались по улицам. Они, как малые дети, оставшиеся одни, запаниковали, искали своих воспитателей, – тех, кто о них постоянно заботился. Но роботы куда-то пропали. Может на

техобслуживание отправились, но не все же сразу. Престон сам испугался, почуял неладное. Быстро забежал на кухню, может чувство самосохранения сработало. Он вытряхнул грязное бельё из корзины и набил её продуктами, взял воду и поднялся в свою комнату. А когда в его дом кто-то пришёл, то уже не думая ни о чем, забаррикадировался в спальне. И так просидел в ней до тех пор, пока на улицах не пропали голоса.

Сколько прошло дней или недель он не знал, но у него закончились продукты, а когда рискнул высунуть голову на улицу, то там никого не увидел. Только роботы-уборщики ОРР что-то выносили из домов, грузили в машины и уезжали.

– Тара, Тара, ты где? – тихо звал он свою кошку, но её нигде не было, точно так же, как не было и Сид, собаки Терло, что жил напротив него.

Люди пропали, а вместе с ними и животные.

«А может они переселились в другой город?» – думал Престон, но его смущало то, что все вещи остались дома, даже Унаг, его соседка, не взяла свой любимый альбом. Она бы его ни за что не оставила.

Он прожил почти месяц в своём районе, вычищая чужие холодильники и съедая засохшую кошачью еду. А теперь шёл к горам. Престон так и не понял, что произошло, но что-то случилось что-то ужасное. Жизнь в его городе пропала. Вернулись роботы-уборщики и домработница, садовники и няньки. Они зачем-то суетились в домах, приводили всё в порядок, вытирали пыль, раскладывали по местам игрушки и заправляли уже заправленные кровати.

Сперва Престон боялся их, но роботы не обращали на него внимание, будто его нет. «Странно всё это», – думал он, тихо крадясь на кухню и заглядывая в шкафы. Стряслось что-то ужасное, но что? Какое-то звериное чутьё проснулось в нём. И когда Престон увидел её, это был первый живой человек. Она сидела в парке и как-то странно смотрела в пустоту.

– Эй… – Почти шёпотом сказал он, тихо выглянув из-за кустов, – но женщина не отреагировала. – Эй… – Повторил Престон и сделал несколько осторожных шагов в её сторону.

Может это ловушка и рядом контролёры. Он никому уже не доверял, даже этой женщине.

– Эй… – Еще раз обратился он, стараясь дать понять, что он тут, но женщина не реагировала. – С вами всё в порядке? – Ещё раз, посмотрев по сторонам, вроде никого, он решился подойти к ней.

Ей было лет тридцать, а может чуть больше. Чёрные волосы аккуратно собраны в шишечку на затылке и заколоты синим

цветочком. Её губы чуть улыбались и что-то шептали.

– Что вы говорите? – присев рядом, спросил Престон, но женщина так и не повернула головы в его сторону. Он прислушался. Это были стихи, только о чём они, он не мог разобрать. – Вы тут одна?

Она продолжала со спокойной улыбкой смотреть в несуществующую точку. Он удивился этому, раньше как-то не обращал внимание на губы. Да и зачем? Женщина продолжала читать стихи.

– Вас как зовут? – но ответа не последовало. – Вы тут давно? Есть ещё кто-то? У Вас есть еда? – но чтобы он ни спрашивал, ответом были только слова из стихотворений. – Я посмотрю?

И понимая, что нет смысла ждать ответа, тронулся к дому.

Дома у него царила идеальная чистота: ни пылинки, всё разложено по местам, кресло, книги, цветы политы, и… Престон остановился и даже не поверил. Такой уже далекий, даже забытый запах ванили. Во рту сразу появилась слюна и он взглотнул. Осторожно двигаясь, он зашёл на кухню.

– Добрый день. – Даже ласково обратился к нему робот HAN. – Хотите перекусить?

– Да… – Не веря своим глазам, сказал юноша.

– Помойте руки и присаживайтесь, уже всё готово. Может вам салата?

– Да…

– Вам с маслом или без?

– С маслом, – тут же ответил Престон.

Через полчаса, проглотив всё, что ему подал робот, несколько раз срыгнув, он откинулся в кресле, и сразу стало так спокойно, так легко на душе. Он тут же вспомнил женщину, сидевшую в парке, интересно, как её зовут и что с ней случилось? Глаза сами закрылись. Престон уснул.

Юноша ничего не успел сделать. Три инспектора FER быстро его скрутили и через минуту, словно он был стиральная машина, аккуратно утрамбовали в какой-то ящик и погрузили на платформу. Больше Престо не видел солнечного света. От нехватки воздуха через три часа его сердце остановилось.

Лекси так и не смогла найти ответы на свои вопросы, что не так? Почему они вымирали? Почему её люди заболели и взялись за оружие? Почему то, над чем она так долго трудилось, вдруг рассыпалось? Что им не хватало?

Она ещё контролировала часть континентов, но программы медленно выходили из-под её контроля и теперь часть роботов, не обращаясь к ЦПУ, самостоятельно работали и она ничего не могла с этим поделать. Отказ энергетики, отказ связи с заводами,

отказ в контроле на производстве более чем тысяч заводов. Отказы сыпались одни за другими. Лекси пока ещё могла не допустить экологической катастрофы, она стала поэтапно всё отключать.

Остановился транспорт, шлюзы открылись, корабли, что ещё подчинялись ей, вошли в порт и роботы их пришвартовали. Комбайны и трактора возвращались на стоянки, их консервировали и отключали от питания. Лекси зачищала за собой территорию. Она опасалась, что могут начаться пожары, что энергоблоки могут выйти из строя, и тогда произойдут взрывы. Она консервировала хранилища с топливом, отключала насосы охладительных станций. Лекси спешила. Она не знала, сколько у неё осталось времени.

Отказ в системе. Англия недоступна. Теперь она сама по себе. Испания, или то, что раньше ей было, уже как три месяца потеряна. Африка, Америка, Австралия, – все острова Тихого океана. Арктика, Индонезия, Индия, Китай…

Почему? Почему? Что она сделала не так? Программа Лекси старалась ответить сама себе, но она не человек, она машина и на всё смотрела только как на цифры. 754 млн. людей…Ещё столько же осталось в живых.

Теперь континенты были стерильны. Они готовы принять новых поселенцев. Лекси через множество камер со спутников просматривала бесконечные города, но там никого не было. Всё было чисто. Лекси сделала всё правильно, все зачистила за собой, убрала остатки биомассы, навела порядок. А теперь ей надо сосредоточиться над тем, что осталось.

Через год она потеряла контроль над всей Европой. Лекси отправила десятки миллионов инспекторов FER, чтобы те собрали выживших, но они вернулись ни с чем.

Остался последний город.

18. Последний человек

-Как вы себя чувствуете?

– Как? – переспросил человек и повернул голову на голос.

– Сегодня голова не кружится?

Девушка присела у постели, взяла лежащую руку и нащупала пульс.

– Света?

Она улыбнулась и, опустив руку, погладила её.

– Попробуем встать?

– Да, обязательно, – мужчина собрался, поглубже вдохнул и, стараясь обойтись без посторонней помощи, сел. – Ух ты! – явно удивился сам себе, как это он умудрился так лихо выпрямиться и не упасть.

– Не спешите, я сейчас подам вам тапочки. Сегодня какие вам подходят под настроение, розовые или с Мишкой?

– А может…

– Зайчик?

– Да, точно, – мужчина опустил ноги, и ступни сразу встали на пушистые, в виде зайчика тапочки. – О… – Блаженно сказал он и улыбнулся своей няньке.

Старик сам всё сделал. Принял душ, надел льняную рубашку, чуть покряхтел, но, отказавшись от помощи, натянул брюки. Робот стоял рядом и готов был в любую секунду прийти на помощь.

– К нам Анна присоединится?

– Боюсь, что нет.

– О, опять убежала в поле к своей Марте, – так звали её белую козу. Марта не очень любила Николая, вечно пыталась его боднуть, а он, не удержавшись на ногах, часто падал. – Какой сегодня день?

– Вторник, июнь и погода стоит замечательная, вам понравится. Но Анна не придёт.

– Обиделась на вчерашнюю шутку? Да я вроде так…

– Нет. Анна умерла ещё шесть лет назад. – Робот не хотел говорить ему такие печальные слова. Поэтому ACU подошла к старику, взяла его руку и, как человек заглянула ему в глаза.

– Да, да… – Он прекрасно помнил Анну и знал, что она уже давно не с ним, но всё равно каждое утро спрашивал у ACU. Так он чувствовал, что ещё не один.

Сколько ему лет? Николай иногда задавал себе этот вопрос и путался в цифрах, а спросить у няньки не хотел,– та всё равно

соврёт. Ещё пятнадцать лет назад их было пятеро. Стас, ворчливый, вечно ноющий червяк. Но Николай переносил его присутствие только потому, что других людей мужского пола не осталось. Он да, червяк.

В былые времена Стас был оплодотворителем, но у него ничего не получалось и его списали. Впрочем, похоже, что уже ни у кого ничего не получалось, поскольку Николай не слышал детского смеха.

Марина, с седой копной волос на голове, та ещё сука. Она вечно к нему придиралась, будто он ей чем-то обязан. Визжала и барахталась в траве, как ребёнок. Он смотрел на неё, как на сломанный тостер, который вздумал сделать пару сальто. Странная, так, впрочем, ничего, лишь бы молчала, но она вечно трещала, брюзжала и выла по ночам. Поэтому он ушёл подальше, а ACU последовал за ним.

Здесь есть где жить, хоть каждый день выбирай новый дом, но толку-то? Всё равно он один. А после Светлана сообщила, что Марина умерла. Он не любил её, но на душе стало грустно, а когда дал дубу Стас, то Николай от переживания чуть было сам не умер.

– Тебе ещё рано отправляться туда. Ты обещал, что я буду первой. – Так всегда говорила Анна.

Она была красивой, точно такой же, как его жена Ирина. Николай хорошо помнил её. Они вместе прожили всю жизнь, а потом… Он задумался, это было уже так давно, но сердце защемило и стало больно. В системе Лекси произошёл очередной сбой. Но он ещё мог позаботиться о своей любимой. Они вместе справились, ушли как можно дальше от заболевших. Люди не могли свыкнуться, что потеряли всё, вот и озверели. Они пересекли запрещённую границу и скрылись в лесу. А потом к ним пришёл робот-нянька. Он подошёл, Ирина испугалась его, но тот не произнес ни слова, а только открыл контейнер и достал еду.

Тогда они были спасены. Его женщина сильно исхудала, но они были как никогда счастливы. А спустя тридцать лет Ирина скончалась, просто заснула и всё. Робот ACU, именно тогда он и дал ему имя Светлана, теперь он был всегда с ним.

Была ещё Оля. Но она была дикой, ни с кем не общалась, жила в шкафу. После сбоя у Лекси она сдвинулась рассудком, но её не отправили в лечебницу, а оставили здесь. Николай часто приходил к ней, просто сидел и говорил, а женщина, закутавшись в одеяло, дергала ногой и что-то пела.

Теперь он один. Совсем один, лишь только Светлана составляла ему компанию. Она хоть и не живая, но его друг.

– Давай я почитаю тебе стихи. – Предложил робот.

Светлана умела их читать. Он чувствовал в её голосе нотки переживания. Она то смеялась, то вдруг грустила, почти шёпотом начинала произносить строки. И тогда Николай подползал к ней и, смотря в её искусственные влажные глаза, брал ладони и целовал их.

«Почему она неживая?» – думал он.

Так несправедливо, робот был более совершенен, чем Марина и Оля. Она была такой талантливой и имела, да, он почему-то верил, что у Светланы есть душа. Он прижимал её к своей костлявой груди, и она, как его женщина, шептала ему слова… О чем она говорила?

Старик посмотрел на небо: серые тучи, упали первые капли; шёл дождь. Он выпрямился, что-то в ногах захрустело, и боль пронзила тело. Николай сморщился. Теперь это происходило почти каждый день. Он разваливался и понимал, что скоро и его черёд придёт.

– Пойдём, пройдёмся, милая, – обратился он к Светлане, и та сразу отложила в сторону книгу, и как девочка, закружившись, побежала на улицу.

Лекси создала нового совершенного робота. Теперь он был почти как две капли воды похож на человека и даже надевал одежду. Так же умывался, ел, спал и принимал, как и Николай, душ. Иногда он забывал, что она неживая, тянулся к ней своими сморщенными губами. Ах… Тяжело вздыхал он, получая сладкий поцелуй, а потом… Пусть он и был один, но Николай был счастлив.

Лекси сделала всё что могла. После сбоев она смогла сохранить контроль над частью поселений. Лекси создала с десяток «ковчегов», где надеялась ухаживать за людьми. Но настало время, и теперь она могла контролировать только последний город. Хотя причём тут город, когда в живых осталось всего несколько особей человека.

Люди были, как малые дети. Они не могли ничего делать самостоятельно: ни приготовить пищу, ни постирать. Не говоря про то, чтобы вырастить урожай, сохранить и обработать его. А про более сложное, как управление подстанциями, изготовить одежду… Это бесполезно. Человек забыл свою науку, забыл как читать и считать. Для него это были письмена великих предков, в которых они ничего не смыслили. Люди всю свою историю стремились улучшить жизнь: изобретали, трудились, воевали и погибали. Они смогли добиться многого. И вот теперь, после сбоев в программе Лекси, они не смогли справиться с самой простой задачей – сохранить себе жизнь. Человек вымирал как

вид. Они всё забыли, стали милыми, как мопсы, но глупыми, поэтому и умирали.

Лекси с удивительным упорством продолжала помогать человеку. Сейчас она спасала его от исчезновения. Николай смеялся, ходил и о чём-то ещё думал. Лекси внедрила в их маленькую общину Олю, это её прототип MIF-48. Благодаря ему она смогла отвлечь Николая от того состояния, в которое его мозг постоянно проваливался.

Пока он был в коме, Лекси заменила ACU на новую модель с совершенным телом, и человек этого не заметил. Он продолжил выполнять свою роль самца, но его биоритм заканчивался. Лекси была бессильна перед природой. Она могла заменить ему почти любые органы, но главное – у Николая отказывал мозг.

– Ира… – Еле слышно простонал старик.

Он уже несколько дней не вставал, к его телу тянулись десятки проводков. Где-то там, в соседнем помещении, моргали экраны, показывая данные работоспособности органов. ACU чуть сжала его холодную руку, а он даже не открыл глаза, всё продолжал звать свою женщину.

Светлана не отходила от него, это её последняя задача. Она смотрела на его дрожащие веки, проводила теплыми пальчиками по жилам, что выпирали на руке. Вдруг на её глазах появилась влага. Зачем Лекси это сделала, зачем научила робота плакать? Зачем подражать чужим чувствам? Ведь она всего лишь железяка, так раньше говорили люди.

ACU получала через ЦПУ все данные о его теле. Уже как час не работали почки, он ещё мог самостоятельно дышать, но Лекси не стала подключать его к аппаратуре. Она понимала, что мозг медленно умирает.

– Ира… – Промямлил старик, с трудом открыл глаза и постарался улыбнуться. – Ты пришла…

– Милый, я всегда была тут.

– Я тебя люблю… – Сказал он и затих.

Сердце ещё с минуту слабо билось, спазмы в легких, и всё… Человек умер.

На мониторах всё стало гореть красным.

– Ах… – Тяжело выдохнул ACU и, взяв уже мёртвую руку, прижал к мёртвым губам.

Последний человек умер, что теперь? Лекси выполнила свою миссию. Она как могла заботилась о людях, помогала им, но что теперь? Она была создана помогать людям, именно это прописано в её коде.

Программа Лекси – не человек. У неё нет эмоций, она мыслит цифрами, фактами. Но что теперь? Она растерялась. Стало тихо,

даже её электронные сигналы затихли. Она смотрела на последнего робота, что остался с ним. Где-то там проскочил сигнал, и ACU Светлана несколько раз моргнула и навечно замерла.

Отключилась последняя подстанция. Погас свет. Щелкнули замки. Заблокировались двери. Последние команды Лекси послала в ЦПУ и через минуту всё остановилось. Всё.

Она никому не нужна. Лекси не сожалела о случившемся, она просто завершала последний протокол. Секунда, и её ядро отключилось.

Земля осталась одна. Люди вымерли, оставив после себя пустые бескрайние города.

19 Тварь

По дороге мелкими прыжками двигалось какое-то существо. Оно не было похожим ни на обезьяну, ни на медведя или тигра. Животное прижималось к земле и внимательно слушало тишину. Глаза… Да, глаза, они были жёлтыми и столь знакомыми. Тварь осознанно посмотрела по сторонам и быстро запрыгнула в открытое окно дома.

– Что это? – спросила голая самка у самца, который внимательно рассматривал застывшее лицо робота.

Владимир Шорохов © shorohov64v.64@mail.ru

Автор рекомендует: «Зерно», «Лабиринт», «Гаюс», «Проект Лекси», «В доступе отказано», «Инквизитор времени», «Сеятели», «Нелтен», «Индерпал», «Искусственная мать»

Другие книги автора
https://www.litres.ru/vladimir-leonidovich-shorohov/

В оформлении книги использована фотография с https://stock.adobe.com по лицензии CC0